

Там, где
ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

МАША ЛОВЫГИНА

Маша Ловыгина

Там, где падают звезды

<https://litres.ru/74210769>

Аннотация

Пока беременная Надя безуспешно пытается разобраться со своими чувствами, рядом с её отелем погибает известный гуру личностного роста и женского счастья. И вроде можно списать случившееся на несчастный случай, но и здесь Надя находит, к чему прицепиться. Разумеется, она не может остаться в стороне. К тому же этим расследованием занимается Игорь Серебряков...

Третья книга цикла.

Первая – "Компот из сладкой лжи"

Вторая – "Не оставляй меня, надежда!"

Обложка от мастерской "Art - Kondr. Обложки, арты, баннеры"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	82
Глава 12	89
Глава 13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Пролог

"Ты волен – дева говорит, –
Беги!"

Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил...

А. С. Пушкин, "Кавказский пленник", 1821г.

Липкий страх, вот что она почувствовала, когда пришла в сознание в окружавшей ее вязкой темноте. Обволакивающий страх, который она поначалу воспринимала как нечто чужеродное и непонятное. С трудом разлепив веки, Надя прерывисто вздохнула, и это гадкое щекочущее чувство тут же волной растеклось по телу от затылка до кончиков пальцев.

"Это не я... это не могу быть я... – испуганно прошептал внутренний голос. – Это не... А кто? Ведь не Алиса же в кроличьей норе? Ха, ха, ха..."

Вверху, прямо над ней обнаружилось светлое пятно. Приглядевшись, Надя сумела различить черные штрихи, но выступившие от напряжения слезы моментально смазали картинку, и ей пришлось крепко зажмуриться, чтобы соленые капли стекли по вискам. Она хотела вытереть их руками, но не смогла этого сделать. Руки и ноги по какой-то причине не слушались ее. Она хотела крикнуть, но губы стянуло чем-то

вроде... липкой ленты.

"Где я, господи?! Что со мной?!" – снова обожгла ее паническая мысль, и Надя снова попыталась сдвинуться с места, но у нее опять ничего не получилось.

Зато в животе мягко толкнулся ребенок...

Надя в ужасе замычала. Теперь она отчетливо видела на сером фоне не штрихи, а ветки деревьев. Но они были так высоко, что казались недостижимыми. Скосив глаза, она заметила выпирающие из земли корневища.

"Заведите себе таксу, она вас из любой кроличьей норы вытащит..."

Светлое пятно заволокло туманом новых горячих слез.

А потом на лицо упало что-то маленькое, ледяное... словно...

Потом еще и еще...

"Вот и первый снег..."

Глава 1

За несколько дней до...

"Я называл ее Ирис... И хоть внешность ее была самой обыкновенной – русые волосы, серые глаза, невысокий рост – я увидел в ней нечто такое, чего не мог объяснить самому себе. Да что говорить, разве я мог тогда хоть что-то понимать в любви? В семнадцать-то лет? Но сейчас я несколько не сомневаюсь в том, что с самого начала это была именно она – любовь в самом ее прекрасном, волнительном и страшном значении. Вы, вероятно, осудите меня за последнее определение, но тот, кто любил по-настоящему, поймет меня. Мне же остается только пояснить для остальных, почему это чувство стало для меня и вдохновением, и соблазном, и трагедией, и триумфом..."

Надя закрыла книгу и снова посмотрела на мягкую обложку. Издание старое, 1994 года, но переплет не затертый, словно до нее никто ее даже не открывал. Скорее всего, так и было, судя по тому, что приходилось придерживать развернутые страницы посередине, потому что они все время норовили закрыться.
 – "Без тебя", – произнесла она вслух название и недоверчиво хмыкнула.

В описании значилось, что эта книга – детектив. Имя автора ей ни о чем не говорило. Какой-то В. Калязин. Она даже поискала его имя в Гугле, но ничего не нашла. Потом гля-

нула типографию, но и она прекратила свое существование в девяносто восьмом. Трудные времена. Книги уже не являлись чем-то значимым.

А вот в гостиничной библиотеке книг было множество. Самых разнообразных: от дешевых любовно-эротических романов до технической литературы.

– Гости оставляют, – объяснила хозяйка гостиницы "Ярославна", Алла Сергеевна, – и Федор частенько привозит что-то из города. Мне, сами видите, читать некогда, работы много. Берите любую, какую хотите, – махнула она рукой в сторону книжного шкафа.

– Большое спасибо! Пробило, знаете ли, на чтение.

Первые дни Надя просто отсыпалась. Ржевский привез ее сюда, в Веригино, к обеду. Номер был уже готов – небольшой, но уютный угловой номер на втором этаже с видом на Волгу. Глядя на довольного Ржевского, Надя не стала спрашивать о его стоимости. К тому же он несколько раз во время пути повторил, что у него там отличная скидка и вообще, для Наденьки он готов в лепешку расшибиться. Но его запал ее совсем не вдохновлял.

– Я называл ее Ирис... – Надя прочитала первую фразу вслух, снова вернувшись к прологу. – Ирис... красиво! Ладно, что там дальше. Когда уже детектив начнется?

"День, когда Ирис погибла, стал для меня самым худшим из дней..."

– Вот те раз!

Надя покрутила шеей и потеряла глаза. Часы показывали половину десятого. И вроде хотелось спать, но стоило ей сомкнуть веки, как мысли тут же овладевали разумом. И тогда сердце начинало щемить от тоски по человеку, который сейчас был далеко от нее. И этот человек не был Ржевским, который звонил ей по пять раз на дню, чтобы узнать о ее самочувствии, об аппетите и прогулках. Ее это не раздражало, нет, но немного утомляло.

— Давай договоримся, Паша, что будем созваниваться утром и вечером, хорошо? Поверь, здесь такая скука, что рассказывать не о чем. А ты требуешь подробностей, которых у меня нет. Я начинаю нервничать, придумывать что-то... да, я не хочу волноваться лишний раз. Ты и сам знаешь, что здесь меня окружает тишь да благодать. И кормят отлично, все как ты мне обещал.

Надя подоткнула одеяло и приспособила книгу на коленях в четкой уверенности, что больше ее ничто не отвлечет и она сможет углубиться в текст.

"Впервые я увидел ее на танцах в городском Доме культуры. Тогда танцы уже назывались дискотекой, но сути это не меняло. Туда приходили, чтобы отвлечься от суровой действительности, послушать музыку, выпить «горькую» в темном закутке и пощупать сговорчивых девиц. Новые лица появлялись нечасто, все свои да наши, но в скудных сполохах светомузыки даже привычные лица казались немного другими — загадочными незнакомцами и незнакомка-

ми... Впрочем, наверное, так считал только я, и виной тому было мое воспитание, которым занимались мать, бабушка и тетки. Потомственные учителя."

Надя перелистнула страницу, задумавшись о том, как влияет "окружающая среда" не только на сознание и воспитание, но и умение излагать свои мысли. Ей бы и в голову не пришло писать книги, и вовсе не потому, что она не в состоянии двух слов связать, а потому что...

– Чукча не писатель, чукча – читатель, – усмехнулась она. Достаточно того, что она хороший читатель, вдумчивый и благодарный. А еще умеющий разделять плохую писанину от хорошей. Спасибо семье и той самой пресловутой среде, в которой она воспитывалась. Вовремя надо читать классиков, вовремя!

Данная книга, разумеется, не отвечала тем запросам, которые требовала ее душа, но детектив есть детектив, так что предыстория преступления (если оно, конечно, было) имела значение. Главное, чтобы автор не уплыл в свои переживания и чувства, забыв о главном.

"Я заметил девушку, одиноко стоящую среди танцующих «медляк» пар и обошел по дуге, чтобы увидеть ее лицо. Не знаю, что привлекло меня в ней. Обычная девчонка с распущенными волосами, в джинсах и рубашке, стянутой на животе узлом. В ДК я пришел со своими бывшими одноклассниками. Да, забыл сказать, в то время я уже учился в институте и в город приехал на побывку. Попробовал бы я не

приехать! Когда живешь в окружении одних женщин, приходится идти на уступки. И мне это было не в тягость. Более того, я был рад тому, что встречу со своими друзьями. Теперь, будучи студентом, я получил карт-бланш на свободу перемещений, хоть и дал клятву являться домой до полуночи, словно Золушка.

— Не знаешь ее? — спросил я у Алика, когда вернулся к компании.

— Кого?

— Вон, видишь, стоит?

— Вижу. Чувиха какая-то, — скривился Алик. — Ни рожки, ни кожи.

Я снова уставился на женскую фигурку и только сейчас заметил, что она слегка покачивается в такт музыки.

— Ты лучше к Таньке подойди! — ткнул меня в бок Алик. — Она точно даст!

— Что даст? — растерялся я.

— Не догоняешь? — заржал Алик, и до меня наконец дошло, что он имел в виду. — Ну че, выпьешь? — он протянул чекушку, но я покачал головой. — Ну и дурак, — беззлобно пожал он плечами. — Мы на улице посидим, покурим. Надоест глазами лупить, приходи.

— Хорошо, — кивнул я и тут заметил, что девушка ушла.

Народу было много, но мой взгляд безошибочно вырвал ее из человеческой массы в этой тусклом прокуренном зале провинциального ДК.

Уже тогда я знал, как это бывает: стоит подумать о чем-то чуть серьезнее обычного и будешь постоянно натываться на напоминания об этом. В моем случае ситуация вызвала у меня странные ощущения. Умом я понимал, что ничего сверхъестественного в незнакомке нет, но внутри за какую-то долю секунды вдруг образовался горячий ком, от которого сперло дыхание и жарко запульсировало под ребрами.

Меня залихорадило словно при гриппе, руки стали влажными, а по спине пробежал холодок.

Я даже поискал глазами Таньку, про которую говорил Алик. Она тут же откликнулась на мой взгляд, выгнула бровь и призывно выставила грудь. Но... Я обернулся и увидел, что девушка с русыми волосами направляется к выходу, и пошел за ней. Не видя и не слыша ничего вокруг, я пробирался сквозь толпу, ведомый ее силуэтом, и получал от своего преследования такое удовольствие, которое не могла бы мне дать никакая Танька."

...Надя отвела глаза и пару раз моргнула, чтобы восстановить четкость зрения. Ее с детства ругали за то, что она читала по ночам, но избавиться от этой привычки не получалось. Надя предпочитала и с документами работать в то время, когда нормальные люди уже ложились спать. В ней будто второе дыхание открывалось. И Ржевский в пору, когда они жили вместе, тоже пытался изменить ее режим, но даже после сытного ужина и любовных утех, когда он, едва успев

поцеловать ее на ночь, сладко засыпал, она, поворочавшись с полчасца, вставала и на цыпочках уходила на кухню. Давая себе зарок, что не будет засиживаться подолгу, Надя каждый раз нарушала его и иной раз обнаруживала себя уткнувшейся носом в разложенные бумаги...

"Вы с отцом просто ненормальные!" – ругалась Ольга Аркадьевна, но «нормальность» у каждого своя, если рассуждать логически.

И только приехав сюда, в Веригино, Надя наконец поддалась искушению сна. Правда опять ненадолго. Сны ее были по-настоящему завораживающими. И не скажешь, что переживания о своей «бабьей доле» Надю изрядно измучили. Да что там измучили, все нервы истрепали! Будь она менее практичным человеком, романтической барышней, то давно бы уже написала письмо тому, кто прочно засел в ее мыслях. Но даже написать короткое СМС у нее в прямом смысле не поднималась рука.

В дверь тихо постучали. Надя мельком глянула на экран телефона и нахмурилась. Затем выползла из кровати и подошла к двери.

– Кто там?

– Это я!

– Алла Сергеевна? – Надя распахнула дверь пошире.

– Смотрю, у вас свет горит, решила проверить, все ли хорошо. А я вот теплого молока вам принесла.

На небольшом подносе стояла керамическая кружка и

бамбуковая мисочка с печеньем.

Надя потянула носом.

– М-м-м, спасибо огромное! Я действительно проголодалась, хотя и ужинала поздно, и съела все до крошки. Куда оно все девается?

– Так за двоих теперь кушать надо! – улыбнулась Алла Сергеевна и чуть повела плечом, чтобы пройти в комнату.

– Ну да... – Надя, посторонилась, пропуская хозяйку. Слова хозяйки гостиницы оставили неприятный осадок, потому что касались личного.

Алла Сергеевна, словно почувствовав ее взгляд, обернулась.

– Павел Александрович попросил поухаживать за вами.

– Павел Александрович, как всегда, склонен преувеличивать. Никакого особого внимания мне не требуется.

– Простите, – мягко улыбнулась хозяйка, – мне не следовало...

– Он рассказал вам о... моем положении?

– Ой, что вы, нет! Я сама догадалась. Впрочем, это было несложно.

– Вот как? – опешила Надя.

– Беременные женщины ведут себя иначе. У них меняется походка и вообще... Когда вы приехали, я заметила, что вы держите руку на животе. И Павел Александрович...

– Я поняла, – отмахнулась Надя. – Простите, если была груба с вами. Мне очень нравится здесь у вас.

– Да, места удивительные. Знаете, у нас тут частенько звездопады можно наблюдать, – кивнула Алла Сергеевна и задумчиво добавила: – Ах, ноябрь... казалось бы, самое хмурое время, но ведь природа умеет сглаживать любые душевные рытвины...

Надя удивленно вскинула брови, а затем спросила:

– Уже так поздно, а вы все еще на посту. Не устали?

– Свое дело требует ежечасного внимания. Рано утром будет заезд, проверяю комнаты перед заселением. Отель у нас небольшой, штат тоже. Крутимся-вертимся потихоньку. А что до усталости... С приятным человеком поговорить – уже радость.

– Давно вы владеете отелем? – Надя опустила в кресло и пригубила молоко.

Алла Сергеевна прошлась по номеру, автоматически провела по рамке картины и внимательно посмотрела на кончики затянутых в белые кружевные перчатки пальцев.

Наде хозяйка нравилась. За пятьдесят, но с хорошей фигурой и тем спокойным выражением лица, которое бывает у счастливых в браке женщин. И одевалась Алла Сергеевна крайне интересно: в длинные платья и кофты наподобие душегрей. Так, кажется, раньше называлась верхняя одежда, украшенная вышивкой и бусинами. Понятное дело, что сама она не стирала и не готовила. В отеле был и повар, и горничные. Еще администратор Лидия – серьезная девушка около тридцати с короткой стрижкой и соболиными бровями.

Ржевский попытался отвесить ей витиеватый комплимент, а она одарила его таким взглядом, что Надя едва удержалась от ухмылки. Павел оставался Павлом даже рядом с ней, беременной его ребенком.

Она уже не обращала внимания на его красноречие и лучезарные улыбки. Удивительное дело, теперь она чувствовала к нему разве что дружеские или даже сестринские чувства. Это было странно, но что поделать, она повзрослела и стала ценить совсем другие качества.

– Идея превратить этот дом в отель принадлежит моему мужу, Федору. Сама не понимаю, как поддалась, – покачала головой Алла Сергеевна. – Нынче третий год пошел, как мы принимаем гостей. Места у нас здесь невероятные. Воздух чистый, Волга... Летом медом пахнет. А вы чем занимаетесь, Надежда Николаевна?

Надя прожевала кусочек печенья и запила молоком.

– Я думала, вам Павел Александрович все про меня рассказал.

– Простите мое любопытство. Вы правы, не стоит совать нос в чужие дела. Отдыхайте. Кстати, если у вас есть какие-то особые пожелания к кухне или, не знаю, вообще... то говорите. Я все устрою.

– Спасибо, Алла Сергеевна, я всем довольна.

– Ну и отлично! Главное, не скучайте. А то Павел Александрович сказал, что...

Надя закашлялась. Алла Сергеевна смущенно улыбнулась

и направилась к дверям. Потом остановилась и добавила:

– В поселке универмаг есть, рынок. От нас дорога прямую, если захотите прогуляться.

– Да, я так и планировала. Возможно, завтра выйду. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Надежда Николаевна.

Когда дверь закрылась, Надя посмотрела на темное окно. За ним чернело небо. Но приглядевшись, она увидела мерцающие точки звезд.

– Да, надо выбираться в люди...

Глава 2

"Я шел за ней до самого ее дома. Вернее, до того места, где она остановилась и стала смотреть на окна. За занавесками горел свет. Я не знал, кому принадлежит дом, и в этой части города ни разу не был. Частный сектор, заборы, рябины и сирень. Понятно, что не заблужусь, в таких городах, как наш, все дороги ведут в центр. А жил я как раз в центре, рядом с музыкальной школой, и художкой, куда ходил ради матушки и теток. Откуда им было знать, что я все-таки умудрялся встречаться с друзьями, дружбу с которыми мои домашние бы точно не одобрили."

Надя улыбнулась и покачала головой, вспомнив собственные детские и юношеские годы. Да, без уличного воспитания личность формируется крайне однобоко.

"Я стоял метрах в тридцати от нее, скрывшись в тени между тусклыми уличными фонарями, и едва дышал, чтобы случайно себя не выдать. Во рту пересохло от волнения, сердце билось о ребра с такой силой, что я боялся, что она услышит его стук. Или не она, а какой-нибудь дворовый пес вдруг поднимет лай. Мне не было стыдно. В эти минуты я ощущал себя кем-то вроде Д'Артаньяна или Дон Жуана."

Вот если бы на нее напали бандиты, я бы разбросал их направо-налево и спас ее, думал я, напряженно вглядываясь в абрис ее лица, едва проступающего в вечерних сумерках.

От этой мысли у меня даже кулаки отяжелели и защекотало кожу на затылке. Таких кулаков как у Алика у меня, конечно, не было, как и опыта драк, но сейчас я в себя верил. Просто знал, что если что, то обязательно справлюсь. Пусть меня воспитывали женищины, быть мужиком с той минуты стало для меня главным желанием."

– Ну, в те времена по-другому, наверное, и не получилось бы, – задумчиво пробормотала Надя и зевнула. – Ладно, надо спать, да, малыш? – погладила она живот и пошла чистить зубы.

Укрывшись теплым одеялом, она закрыла глаза и тут же уснула.

...Утро началось с телефонных звонков. Сначала позвонила Ольга Аркадьевна с вопросами о самочувствии и рассказа о том, как она сама себя чувствует и что планирует поход в театр. Потом позвонила Зая.

– Ой, Надя, ты еще спрашиваешь, как у меня! Как над пропастью во ржи! В том смысле, что наша "Рожь", то есть агентство Павла Александровича, сейчас пытается вырваться на столичный рынок и... В общем, работаю не покладая...

– А чего голос такой скучный?

– Потому что скучаю по тебе! По нашей работе, – сделала она ударение на слове «нашей». – Когда ты уже вернешься? Мне нужно знать точно, чтобы выжить в этом рекламном кошмаре!

"Милый ты мой ребенок с замашками директора", – с

нежностью подумала Надя, а вслух сказала:

– Скоро вернусь. Как там вообще?

– Вообще? Ну, как... Ржевский светится, аж в глазах слепит.

– Чего это вдруг? – насторожилась Надя.

– А ты не в курсе? Он ведь отцом скоро станет, – хихикнула Зая. – У него весь стол завален каталогами колясок и кроваток. Я лично видела коробку с молокоотсосом.

– Блин...

– Ага!

– Хорошо, что свадебный костюм не примеряет.

– Честно говоря... – замялась Зая.

– Что?!

– Мне кажется, он уверен в том, что ты все равно выйдешь за него замуж.

– Но ты в этом не уверена?

– Я – нет, и у меня есть свои мысли на этот счет. Ладно, пойду работать! Ты отдыхай хорошенько, ладно? От Кораблева большой привет!

– Ему тоже! Как у него дела?

– Хорошо! Тоже много работы, но мы находим время, чтобы куда-нибудь сходить. Ты же знаешь, дедушка переживает, если я возвращаюсь поздно, а с Денисом отпускает.

– Смирился?

– Ага, – рассмеялась Зая. – Мы уже были на выставке концептуального искусства и в филармонии, прикинь!

– Господи, не пугай меня! Какая филармония, Зая! Вам бы целоваться по углам, а не вот это вот все!

– Одно другому не мешает! Пока-пока, мамочка!

Жизнь продолжалась. Все работали, отдыхали, строили планы, общались...

Надя заметила упавшую на пол книгу и подняла ее. Ей бы тоже следовало как-то иначе смотреть на свое «заточение». Сама согласилась, никто не заставлял.

– Может, я уже отдохнула? – спросила она саму себя. – Может, мне уже пора вернуться? А проблема сама как-нибудь рассосется?

Но проблема не рассасывалась и не решалась. Надя постоянно думала об Игоре Серебрякове. Вспоминала его голос, улыбку, то, как он хмурит густые брови и потирает подбородок. Его образ так прочно засел в ее голове, что ничем другим его вытравить не получалось. Да и не хотелось, чего скрывать. Хотя, пожалуй, лишь эта книга давала ей возможность немного развеяться.

Надя зажала ее локтем и вышла из номера.

Завтраки, обеды и ужины накрывали внизу, в ресторане. Можно было заранее заказать какое-то блюдо, но ассортимент и так внушал уважение перед мастерством повара.

Остановившись в дверях, Надя удивленно оглядела зал. Почти все столики были заняты. Причем, исключительно женщинами.

Утренний заезд, вспомнила она и поискала, куда бы сесть.

– Надежда Николаевна, идите сюда! – окликнули ее.

– Лидия, доброе утро!

– Доброе, – девушка допила черный кофе и промокнула губы салфеткой. – Возьмите сырники со сметаной. Очень вкусные.

– Хорошо, спасибо, – напряглась Надя. Неужели тут все уже знают о том, что она в положении?

– Я две порции съела, даже стыдно. – Лидия встала и забрала пустую чашку.

Она была высокой и очень худой, просто модель с подиума. Ее не портили даже извечная серьезность и буквально пронизывающий взгляд темных глаз, хотя, казалось бы, улыбнись, и станешь еще привлекательнее. Ну и одежда, конечно. Никаких украшений, простая рубашка, мешковатая темная юбка и ботинки, напоминающие мужские. Кажется, Лидия совсем не задумывалась о том, чтобы нравиться.

– Приятного аппетита и хорошего дня, – сказала она напоследок.

– Спасибо, – кивнула Надя и села за стол.

Ресторан был небольшим и симпатичным. Деревянные балки на потолке, белые оштукатуренные стены, накрахмаленные скатерти с ручной вышивкой и плетеные из лозы салфетницы. Перед ужином на столы ставились свечи и зажигали камин. Сейчас в зале завтракали несколько женщин: не особо прибранных, с заспанными лицами, в спортивных костюмах, которые выполняли функцию домашней одежды.

Надя и сама ходила в трикотажных штанах и пуловере, не особо утруждая себя светскими манерами. Как-то так сложилось, что, приехав в «Ярославну», она сразу почувствовала непреодолимое желание «забить» на наряды. Все равно перещеголять хозяйку у нее бы не получилось. И одежды с собой она взяла не так много, и за несколько дней явно прибавила в весе, судя по тому, что пояс юбки стал доставлять дискомфорт.

В гостинице можно было воспользоваться услугами прачечной, что делало отдых еще более приятным. И все же имело смысл прогуляться до поселка, чтобы прикупить себе еще одну пижаму.

«Ну вот, я же хотела возвращаться! – укорила себя Надя. – Совсем разленилась...»

Завтрак был в виде шведского стола. Понаблюдав за тем, с каким аппетитом вновь прибывшие гости поглощают выбранные блюда, Надя решительно встала и взяла поднос. От кофе она отказалась, взяла бутылку минеральной воды без газа, апельсиновый сок и сырники. Потом добавила желе из фруктов, свежий круассан и яблочное пюре.

– Омлетик с помидоркой? – подмигнул ей повар – крупный мужчина с гладким лицом и мощными волосатыми ручищами.

– А давайте, – улыбнулась Надя, решив основательно заправиться перед прогулкой.

Расставив тарелки, она вытащила телефон и положила его

рядом. Затем раскрыла книгу и подцепила на вилку кусочек пышного сырника. Если бы Ольга Аркадьевна увидела эту картину, то закатила бы глаза и возмущенно сказала:

– Наденька, боже мой, какая невоспитанность! Разве можно читать во время еды?! Это моветон!

– Это здорово, – слизав с губ сметану, выдохнула Надя. – И очень вкусно!

"Сколько же времени я простоял там, прячась в кустах? Столько, сколько она провела перед окнами дома. Я видел, что она продрогла, и успел предположить, что это вовсе не ее дом, а, например, того, в кого она влюблена... От этой мысли меня бросило в жар. Как я мог не подумать об этом раньше? Но уже в следующий момент моя прекрасная незнакомка шагнула к калитке и через минуту скрылась внутри.

Теперь я мог выйти на дорогу и подойти поближе, чтобы рассмотреть номер дома. Я знал, что вернусь сюда завтра..."

Надя читала, не обращая внимания на проходивших мимо постояльцев, на гремевшую посудой официантку, и опомнилась, когда вдруг заметила, что осталась одна. Допив сок, она огляделась.

– Я уберу! – приветливо улыбнулась официантка, и Надя, прихватив бутылку минералки, ушла.

Она испытывала странное чувство, но чем оно было вызвано, не осознавала. Возможно, это было связано с книгой?

Надя усмехнулась и покачала головой: "Беллибердистика какая-то, а не детектив!"

И все же любовные метания героя, имени которого еще даже не упоминалось, притягивали ее загадочностью и тайной человеческой души.

Так как томик был небольшого формата, он без труда поместился в кармане пальто оверсайз, которое Надя теперь предпочитала носить без пояса. Хоть живот у нее был еще невелик, хотелось уютной свободы.

День выдался тихим, прохладным. От свежего, звенящего воздуха защекотало в носу. Надя пошла в поселок по асфальтированной дорожке, наслаждаясь тишиной и сонной природой.

Мимо нее, один за другим, проехали два автомобиля. Она приподняла воротник и зашагала чуть быстрее. Вспомнила, что забыла перчатки и спрятала руки в карманы. Когда левая ладонь прижалась к книжной обложке, по телу Нади пробежался нервный холодок. О чем ей говорила в этот момент интуиция и говорила ли вообще?

Что-то витало в этом прохладном утреннем воздухе. Что-то такое, что заставляло Надю внимательно вслушиваться в окружающее ее умиротворение...

Глава 3

До Веригино Надя добралась минут за двадцать, но уши успели замерзнуть. Дорога шла с горы, так что ее легкому шагу способствовало естественное ускорение. Она увидела милый поселок в несколько улочек, частные дома разной степени зажиточности, старую церквушку и кладбище, торговые ряды и небольшой универмаг довольно старой постройки, судя по каменной кладке и облупленным украшениям в стиле барокко на фасаде. Удивительное зрелище в такой глубинке.

– Здесь раньше дворяне жили, Облезовы, – поделилась с ней информацией продавщица, выкладывая на прилавок наборы с пижамами и ночными сорочками. – А на горе, там, где сейчас гостиница, у них усадьба была.

– Ах вон оно что! – пораженно воскликнула Надя. Как говорится, проспала все самое интересное.

А ведь когда она приехала, то сразу обратила внимание и на то, как расположено здание, и на парк, и на камин в ресторане. Конечно, в доме многое перестроили, но флер аристократической старины все равно присутствовал, благодаря заботе и вкусу его хозяев.

– Что-то типа дачи, – добавила продавщица.

– Ну да, удобно, – хмыкнула Надя и поморщила нос. Ничего из предложенного ей не нравилось. – А есть что-ни-

будь без вот этих дурацких надписей и рисунков? – потыкала она пальцем в отпечатанного на хлопке маленького белого котенка с розой. Он был вообще-то самым приличным, на остальных красовались микки-маусы, стаканы с кофе, пончики и фрукты невероятных размеров.

– Почему же дурацкие? Красота ведь! – удивилась продавщица.

– Да, я понимаю, но мне хочется чего-то...

– С перламутровыми пуговицами? Нам такое не возят. Духи или косметику, может, посмотрите?

– Нет, духи меня не интересуют. Ладно, давайте с котенком. А что у вас в поселке еще интересного есть?

– Да ничего. Музей разве что. Там все подряд: и про местное дворянство, и про природу, и про народные промыслы.

– Музей? Отлично! – Надя обвела взглядом полки и внезапно замерла. – Ой, а это что? Беленькое, пушистое?

– Пуховый платок. Свекровь моя вяжет. Ей восемьдесят, ничего не видит, а руки помнят. Сама, конечно, уже не прядет, я ей пряжу заказываю.

– А покажите, пожалуйста! Вы ведь его продаете?

– Ну... – замялась продавщица. – Как бы да...

– Я понимаю, – сообразив, что к чему, понизила голос Надя. – Вы мне покажите, если понравится, я возьму. И чек мне не нужен.

Продавщица пожала плечами и раскинула перед Надей платок. Рисунок был простой, без изысков. Надя провела по

белым волоскам, которые тут же потянулись к ее ладони, и улыбнулась.

– Тепленький... Беру!

Прогулявшись по другим отделам, Надя набрела на кулинарную лавку. Поначалу устыдившись своего непомерного аппетита, она развернулась, но выставленные на витрине аппетитные пирожки, рогалики и пирожные выглядели такими свежими и румяными, что она не удержалась и взяла парочку ватрушек с творогом, решив, что непременно проголодается во время прогулки. А гулять она решила максимально долго, до самого обеда.

Расплатившись, довольная собой Надя отправилась в музей.

– Своими корнями род Облезовых уходит в пятнадцатый век. В нашем музее представлена экспозиция тупиковой, к сожалению, ветви, коей и являлся Артемий Михайлович Облезов, – тусклым голосом пояснила служащая музея.

– Тупиковая ветвь, как интересно, – покачала головой Надя, засунув билет в карман.

– Там все подписано, но, если у вас возникнут вопросы, обращайтесь.

Надя поблагодарила и побрела по залам. Было так тихо, что она вздрагивала каждый раз, когда под ногами скрипели половицы. Надя торопливо прошла мимо толстых стекол, не в силах смотреть на стоящие за ними чучела белок, волков

и медведей с глазами-пуговицами и высунутыми матерчатыми языками. Дворянская жизнь и народные промыслы были куда интереснее. Особенно здесь, в поселке, где, как ей казалось, ничего примечательного и быть не могло.

Удивительно, что удалось сохранить все то немногое, что располагалась в маленьких залах после всех исторических событий, прокатившимся катком по стране. Надя с интересом рассматривала обитые потертым зеленым плюшем кресла, столы с витыми ножками, и китайскую вазу с золотым драконом и отколотой ручкой.

На старинных, пожелтевших от времени фотографиях она видела мужчин в сюртуках и шапочках-пирожках рядом с затянутыми в корсеты дамами в длинных платьях с турнюрами и страусиными перьями на шляпах. Надя усмехнулась, подумав о том, что времена не меняются. Только в нынешнее время дамы ложатся под нож пластического хирурга, чтобы увеличить пятую точку, а раньше использовали валики под нижними юбками, тем самым придавая своей фигуре приятные мужскому взору очертания. Она даже где-то читала, что турнюр придумал мужчина, наблюдая за тем, как служанка моет пол, подоткнув юбку. Судя по всему, вид ему очень понравился. Кажется, этот мужчина потом открыл модный дом. Можно представить, как он осчастливил своим изобретением сильную половину человечества.

Тут же находились и другие фотографии, на которых были изображены виды деревянной набережной, узенькие улицы

Веригино, крестьяне рядом с подводами, важно выпячивающие объемные животы купцы, заседания местного Совета и другие моменты ушедшей эпохи.

Наконец Надя остановилась перед портретом молодого человека, а затем отошла на несколько шагов, чтобы разглядеть его получше. Владелец усадьбы и дома, Артемий Облезов сидел за столом в домашнем бархатном халате, зажав гусиное перо меж тонких длинных аристократических пальцев, и задумчиво смотрел куда-то поверх ее головы.

– Здесь ему двадцать пять, самый расцвет мужской силы и красоты, – раздался за ее спиной скрипучий голос.

От неожиданности Надя вздрогнула и обернулась.

В углу сидел старичок в сером мешковатом костюме, с длинной седой бородкой и стоптанных рыжих ботинках.

– Симпатичный, – согласилась Надя. – Здравствуйте!

– Симпатичный! – недовольно хмыкнул старик и закинул ногу на ногу. – Замечательный был человек! Пристань построил, крестьянскую школу. Много вы знаете тех, кто за свой счет школы строит?

– Ну, как бы необходимости-то ведь нет? – миролюбиво возразила Надя.

– Много вы понимаете!

– Что-то да понимаю.

– Все беды от женщин, вот что я вам скажу, милая барышня. Сколько хорошего мог бы еще сделать потомок прекрасного рода, если бы... А, – махнул он рукой. – О, женщины,

вам имя вероломство!

– Все люди грешны, всеми правит грех, – тут же парировала Надя шекспировской цитатой. – Не поделитесь подробностями трагической истории потомка древнего рода? Вернее, трагической истории любви?

Но старичок, смерив ее сердитым взглядом, поднялся и, шаркая ботинками, не попрощавшись, вышел из зала.

– Ну и ладно, ну и бог с вами, – произнесла Надя ему вслед, не понимая, чем могла обидеть старика. Впрочем, возможно, у него просто характер такой, вредный и брюзжащий. Хлебом не корми, а дай кого-нибудь уколоть. Но с ней у него все равно не получилось бы поругаться. Нынче Наденька Чарушина добра к миру и людям, у нее все хорошо и спокойно.

И невыносимо скучно...

– Мне очень понравилось, – сказала Надя музейной работнице. – Только я не поняла, что там за история с Облезовым приключилась? Почему он рано умер? Болел?

– О, любовь зачастую является именно болезнью, – подняла на нее глаза женщина. – Облезов застрелился, не оставив после себя продолжения. Произошло это за год до революции.

– Очень жаль... И что же, та, которую он любил, вышла замуж за другого?

– Она уже была замужем, – трагическим шепотом ответила женщина.

– Страсти какие, – вздохнула Надя. – Интересно, а она его

любила?

– Не могу знать, – развела руками служащая. – Как вам, кстати, зал революционной славы?

Надя покраснела. Этот зал она прошла, едва мазнув глазами по экспонатам.

– Я тут одного дедушку встретила, так мне показалось, что он много чего знает об Облезове, – вернулась она к разговору.

– Симаков-то? Сторожем у нас работает. А раньше учителем истории и литературы был. Много чего знает, конечно. Но со странностями человек.

– А что с ним не так?

– Как на пенсию вышел, попить стал. Одинокий он, жена давно умерла, дети далеко живут. Так вот, он когда выпьет, песни поет. Ну, как, напевает. И сразу понятно, что выпил.

– Судя по всему, когда он трезвый, то злой. Уж лучше бы песни пел, ей-богу, – с улыбкой ответила Надя.

Женщина лишь вздохнула:

– Может и так. Но нам лучше, чтобы трезвый. Молодец, держится, да и строго у нас. Зато прибавка к пенсии какая-никакая.

«Скорее, никакая, но ведь и правда, лучше при деле быть...»

Наде было интересно узнать подробности жизни дворянина Облезова, но лишь те, что были связаны с его тайной

страстью, любовью к замужней даме, ставшей причиной безвременной гибели. О том, что он учился в Санкт-Петербургском университете и состоял в литературном кружке, она и так уже знала.

– А где, говорите, застрелился молодой барин? Не в усадьбе, надеюсь? – осторожно поинтересовалась она.

– Нет, в доме. Там универмаг сейчас.

– Ну и ну, я как раз оттуда. Привидением теперь является? Женщина посмотрела на нее с осуждением, и Надя поспешила оправдаться:

– Простите, глупость сморозила. Ну какие привидения нынче? Еще раз огромное вам спасибо и до свидания!

Она вышла из здания музея и огляделась. Заметив лавочку под почти облетевшим кленом, села и, скрестив вытянутые ноги, закрыла глаза.

«Странная штука любовь... В любую эпоху странная...»

Нет, подобное утверждение никоим образом не относилось к Игорю Серебрякову. Хотя бы потому, что Надя относилась к нему с огромным уважением, как к человеку и профессионалу.

– К черту!.. – пробормотала она и прикусила губу, размышляя над этой во-многом крамольной мыслью.

Ну при чем здесь профессионализм? У Серебрякова такие глаза, такие губы, руки, запах... Господи, почему он не встретился ей раньше? До того, как она влюбилась в Ржевского? Почему судьба приготовила ей такое испытание? Но-

сидеть в животе ребенка от практически мужа и думать о другом мужчине – как же это... сложно и неосмотрительно. Да, пожалуй, в дворянском обществе так бы и сказали: неосмотрительно! Ведь поэтому и травились, стрелялись и топились несчастные влюбленные, не в силах побороть в себе преступную страсть. А чтобы этого не случилось, их отправляли куда-нибудь подальше, например, на воды в Форж, чтобы заодно подлечить расшалившуюся печень, чем и оправдывал свое отсутствие перед кардиналом Ришелье граф де ля Фер, он же Арман д'Атос, он же...

– Да какая разница! Кому тут интересны мои гротескные окололитературные переживания, – вздохнула Надя и достала из кармана книгу. Затем по загнутому уголочку нашла нужную страницу. Следовало отвлечься, переключиться на любовные переживания другого человека, ведь пока автор посвящал ее именно в них, и именно это сейчас занимало мысли Нади Чарушиной.

Глава 4

"Я возвращался на ее улицу снова и снова. Проходил мимо дома, замедливая шаг и косясь в сторону забора. Слышал, как во дворе ходят, переговариваются, гремят ведрами и стучат молотком. Крепкое хозяйство, надо полагать. И дом добротный. В палисаднике растет сирень, а вокруг нее ирисы... Много ирисов... От их запаха у меня сладко щемит в груди, мысленно рисуя образ той, что завладела моим сердцем всего лишь за минуту. А может, и того меньше.

Мать словно почувствовала, что со мной происходит нечто неправильное с ее практической точки зрения. Допускала ли она, что я влюбился? Говорить об этом с ней я не имел ни желания, ни смысла. Она так уверена в моей исключительности, что можно заранее предугадать, чем обернется этот разговор. Меня ждет прекрасное будущее, я талантлив и умею учиться. И я должен очень хорошо учиться, чтобы стать человеком. Человеком с большой буквы и большими возможностями. Я не имею права растрачивать себя на каких-то глупых провинциалок. И тот факт, что мы сами живем здесь, не имеет значения. Важно только то, что ждет меня впереди.

Я не знал своего отца, он умер, когда мне было всего несколько месяцев. И мать никогда больше даже не посмотрела в сторону других мужчин. Это была настоящая лю-

бовь. По ее словам, мой отец был самым прекрасным и достойным человеком, перед которым она преклонялась. И рядом со мной должна была быть именно такая женщина: самоотверженная, образованная и достойная. А не какая-то выскочка, выросшая на грядках..."

Надя шмыгнула носом и потерла ухо. Затем развернула платок и повязала его, обернув вокруг шеи. Рука ее потянулась к пакету с ватрушками.

"...Как оказалось, Ирис жила с отчимом и мачехой. Представьте мое изумление, когда я узнал, что и такое тоже бывает. Ее мать то ли спилась, то ли еще что, неважно. Хотя сейчас я понимаю, что это важно на самом деле, но тогда я просто удивился. Все же мне, изнеженному заботой и любовью стольких женщин в семье, не приходилось задумываться, что может быть как-то иначе.

Все эти подробности я собирал по крохам, пока слонялся вокруг ее дома, следовал за высокой женщиной, ее мачехой, в магазин, прислушивался к тому, о чем она говорит, стоя в очереди, с болтливой соседкой. У нее был и свой сын, на год старше Ирис. Да, разумеется, имя моей визави было совсем другим, но я намеренно упускаю его, потому что оно было слишком обычным, примитивным. Таким, что вызвало у меня отторжение и даже некоторую оторопь. Нет, только Ирис!

Что еще я узнал? Собственно, не так уж много, но самое важное: ее не любили...

И вот тогда я решился признаться ей в своих чувствах. Но решить не значит сделать. Меня колотило в нервном ознобе, стоило мне подумать о том, как это будет. Мучительно подбирая слова, каждый раз я откладывал свое признание и прятался, стоило ей выйти из дома..."

Откусив от ватрушки, Надя заметила голубя и бросила кусочек в его сторону. Сразу же налетели другие птицы и, чтобы никого не обидеть, она выела творожную сердцевину, а остальное растерла в ладонях и высыпала на тротуар. Через несколько минут, когда половина уже была склевана, непонятно откуда вылетела мелкая собачонка и кинулась прямо в птичью стаю.

– Эй, ты кто? – хлопнула в ладоши Надя, желая отогнать псинку, но голуби уже взлетели, а собачонка радостно завиляла тонким длинным хвостом. – Ты такса, что ли? – Надя склонила голову, рассматривая вытянутое тело коричневого окраса с белой манишкой, короткие лапки и висящие уши. – Да ты мальчик! Иди ко мне!

Но пес потрусил дальше, не удостоив Надю ответом, зато ветер донес до нее блеющее пение:

– Из поле-е-ей уносится печа-а-аль, из души уходит прочь тревога! Впереди-и у жизни только да-аль, полная наде-е-ежд, кхе-кхе, людских доро-о-ога!

Надя обернулась и увидела того самого дедка по фамилии Симаков. Тот брел по дорожке, чуть приволакивая правую ногу и напевая известный мотив.

– И снова здравствуйте, – не удержалась Надя, отряхивая полы пальто от крошек.

Старик остановился и, склонив голову, «щелкнул каблучками».

– Мое почтение, мадам!

– Мадемуазель.

"Неужели выпил? – ахнула она про себя. – Конечно! Песни поет, подобрел и меня, кажется, совсем не помнит..."

– А я только что из музея, – «жирно» намекнула она. – Очень мне история про молодого помещика понравилась. Ну, то есть, конечно, не то, что он застрелился, а что любил свою избранницу больше жизни.

– Это да, – кивнул старик. – Благородный век, горячие сердца. Нынче все по-другому.

– Присаживайтесь, – Надя похлопала по скамейке. – Расскажите что-нибудь интересное. Меня зовут Надежда Николаевна. Я живу в «Ярославне». Это гостиница...

– Да знаю я, – со вздохом отмахнулся старик и суетливо потоптался на месте. – Все продается, все покупается...

– Так уж и все? Но разве лучше было бы, если усадьба пустовала?

– А мне что, пушай! Раньше-то в ней вообще склад был... Говорят, не представляет культурной ценности. Изверги!

– Ну вот, теперь там гостиница. И все довольны.

– Так уж и все, – фыркнул старик. – Лично я не доволен. Кое у кого руки загребушие, на святое зарятся!

– Вы про что?

– Да про хозяев этой вашей гостиницы. Желают они, видите ли, приобрести портрет и вещи Облезовых в нашем музее. Видано ли дело!

– Ну, тут я могу их понять. Все-таки усадьба-то принадлежала Облезову.

– И что? Теперь то, что осталось, принадлежит народу. Пусть на аукционах покупают. Флаг им в руки!

Заметив книгу, Симаков склонился, пытаясь прочесть название. Надя развернула томик, облегчая ему задачу.

– Кхм, – поиграл бровями старик. – Из современных, что ли?

– Да не совсем. Конец прошлого века. Детектив.

– М-да. И как, интересно?

– Ну, такое... пока не поняла. Но он ее любит. В смысле, герой...

– А вы считаете, что смысл любви в героизме? Однако...

– Нет, я имела в виду... Хотя... – Надя задумалась. В чем-то Симаков был прав. Определенно, что-то героическое во всем этом есть.

– Вы верите в любовь? – снова озадачил ее старик.

– О... да! – Она скользнула взглядом по его лицу, а потом уставилась на качавшуюся у его ног авоську, в которой просматривались бутылка портвейна, половинка буханки черного хлеба, банка консервов и...

«Куриные лапы, что ли?»

Ей стало невыносимо жаль музейного сторожа, но она тут же отвела глаза от его покупок и снова вежливо улыбнулась.

– А какая у вас любимая книжка была в детстве, милая барышня? – прищурился Симаков.

– Это просто! «Алиса в стране чудес».

– Понятно, – хмыкнул он и шмыгнул покрасневшим носом.

– И что же вам понятно?

– Любите загадки.

– Обожаю!

– Я так и думал. А чего боитесь?

Надя удивленно вскинула брови. Неймется старику.

– Наверное, попасть в кроличью нору? – пожалала она плечами.

– А вы заведите себе таксу, она вас из любой кроличьей норы вытащит.

– Таксу? – Надя развернулась и посмотрела в сторону, куда совсем недавно припустила так похожая на таксу собачонка.

– Прошу прощения, мне пора. Надо выспаться перед службой. Честь имею кланяться, – Симаков приподнял несуществующий картуз и побрел дальше, напевая под нос и оставив Надю в некотором недоумении.

Не то чтобы она хотела продолжить беседу именно о собаках, но было кое-что, о чем она так и не спросила. Ну не бежать же за Симаковым, чтобы посплетничать на историче-

ские темы. Может, как-нибудь в другой раз.

"В какой другой раз? Дались мне эти великосветские страдания..."

Надя поднялась и зашагала по аллейке, разглядывая редких прохожих и облетевшие тополя.

Нагулявшись, она повернула в сторону дороги, ведущей к гостинице. Скоро за ней увязались две взъерошенные дамочки с дорожными баулами.

– Женщина! – крикнула одна из них.

Надя обернулась.

– Мы правильно идем?

– А куда вы идете?

– В "Ярославну"!

– Тогда да, правильно.

– А вы тоже сюда за счастьем приехали?

Вскинув брови, Надя открыла рот, а потом закрыла. Стояла и смотрела на их раскрасневшиеся щеки и горящие глаза.

– Наверное, она из местных, – чуть понизив голос, сказала вторая. – Им здесь и так нормально. Видишь, у нее на лице все написано.

– Ага! У них тут вся забота: после работы поесть хорошенько да сериал посмотреть.

Надя проводила их долгим взглядом, провела ладонями вдоль бедер и пробормотала:

– Птица счастья робко прячет тело жирное в утесах...

Глава 5

Усадьба, конечно, находилась не на утесе, а, скорее, на высоком холме, обрывающемся довольно резко из-за большого количества песка в грунте. Однако расстояние до гостиницы было приличным и безопасным. За время своего отдыха Надя так и не удосужилась прогуляться до его границы. Сначала активно ленилась, потом просто довольствовалась видом из окна. И только сейчас она вдруг обнаружила в себе ощущение умиротворения от окружавшего ее раздолья.

И на усадьбу теперь Надя смотрела немного другими глазами. Когда есть история, способная разбередить чувства, связанное с ней место вызывает сильные эмоции. И пусть молодой помещик свел счеты с жизнью не в самой усадьбе, где она жила, а в "универмаге", флер его страданий словно продолжал незримо витать вокруг.

"Может, он сидел здесь и писал ей письма, – думала Надя, разглядывая старые парковые дубы и липы. – А может, бродил, страдая от невозможности быть рядом с любимой. И все же как это глупо – стреляться из-за любви!"

В последнем утверждении Надя была уверена на все сто. Практичность, которую в ней воспитали родители и юридическое образование, вела ее по жизни, хоть и не ограждала от сумасбродных идей и поступков. Но сколько же несчастных судеб она наблюдала, читая уголовные дела! Воистину,

любовь - своего рода болезнь, способная вызывать в людях диаметрально противоположные действия: кто-то ради любви сдвигает горы, кто-то мстит, не добившись обоюдности, а кто-то решается просто уйти в небытие.

Надя зябко передернула плечами и зашагала к дому.

В вестибюле она увидела сидящих на диванах женщин, которые активно переговаривались и листали журналы.

– Что за шабаш намечается? – спросила она у стоявшей за стойкой регистрации Лиды.

– Как вы точно заметили, – хмыкнула девушка. – Еле разместили. Пришлось даже дополнительные кровати ставить. Не поверите, семинар по женскому счастью. Закрытый.

– А почему закрытый?

– Не знаю. Но они, – Лида стрельнула глазами в сторону разномастной женской компании, – обсуждают новую ступень в развитии и ждут тут своего гуру. Вот вы говорите, шабаш, а я так считаю, что это самый настоящий курятник.

Надя заметила промелькнувшую на губах девушки презрительную гримасу.

– Деньги им некуда девать, – прошипела та.

Надя могла бы поклясться, что услышала, как скрипнули ее зубы.

– Дорогое удовольствие? – уточнила она, исподтишка рассматривая оживленный женский рой.

– Уж поверьте. Им чем дороже, тем нужнее. Говорю же, куры... Простите.

– И чего они в Дубае не собираются? – усмехнулась Надя.

– Точно! – ответила Лида. – Но нам только лучше. Все номера заняты! Гуру еще не подъехал, ждем. Люкс ему приготовили. И конференц-зал на вечер.

– Понятно. И как долго это мракобесие будет продолжаться?

– Два дня. Не думаю, что кто-то решит остаться на подольше. Это летом здесь хорошо, а сейчас, сами понимаете, не сезон. Так что, как бы это не выглядело, и вообще... Мракобесие, да...

Лида вдруг шумно задышала, затем отвернулась к компьютеру и застучала пальцами по клавиатуре.

Надя потопталась у стойки, но, поняв, что девушка не собирается продолжать разговор, направилась в номер, чтобы немного отдохнуть перед обедом. Но не успела она покинуть холл, как услышала радостно-возбужденный оклик:

– Надюша!

Надя медленно выдохнула:

– О, нет... – затем развернулась и всплеснула руками. – Паша, как, откуда? Что ты здесь делаешь? Почему не позвонил?

– Страшно соскучился! И, кстати, я звонил!

– Простите, я забыла вам сказать! – ахнула из-за стойки Лида.

Эlegantным жестом Ржевский выставил перед собой букет и сверкнул роскошной улыбкой, замерев посреди вести-

бюля.

Надя сразу же ощутила, как атмосфера, пропитанная алчущими взглядами женщин, практически раскалилась. А Ржевский, в своем длинном кашемировом пальто нараспашку, в белой водолазке и отлично сидящих брюках упивался произведенным эффектом, словно прима-балерина на сцене Большого театра.

– Лиёпа доморощенный, – хмыкнула Надя и тоже улыбнулась. – Пойдем, я как раз в номер собиралась. Только что пришла с прогулки. Ты надолго? – осторожно поинтересовалась она. Присутствие Ржевского вносило определенный диссонанс, и без подготовки ее реакция на его появление оказалась довольно нервная.

– На самом деле я в командировку, но сделал крюк, чтобы тебя... вас, – Ржевский провел ладонью по Надиному животу, – навестить. Слушай, я в машине пакеты оставил! Там фрукты, соки...

– Мне ничего не надо! Тут отлично кормят! – запротестовала Надя. – Так я совсем готовить разучусь. Наверное, мне уже пора подумать о возвращении, Паша.

Голос ее немного охрип. Надя прокашлялась и посмотрела на Ржевского.

– Ты здесь всего неделю. Продышись, отоспись, наконец! – мягко возразил он.

– Да я уже... просто... – Надя замаялась. Не говорить же ему о том, что ее чувства к Серебрякову стали еще глубже...

– У тебя ваза в номере есть? – Ржевский встряхнул букет и придирчиво оглядел его со всех сторон.

– Не знаю... вроде, да...

– Детектив ты мой доморощенный, – хохотнул Ржевский.
– И где твоя наблюдательность? Нет, рановато тебе возвращаться.

Они поднялись по лестнице и увидели идущую им навстречу Аллу Сергеевну.

– Павел Александрович! Как же я рада вас видеть! – Хозяйка гостиницы оказалась куда как приветливее Нади. Во всяком случае то, как она приобняла Ржевского и как ласково смотрела на него в этот момент, заставило Надю устыдиться. Как-никак он отец ее ребенка, а она ведет себя так, словно он не имеет к этому отношения. – Вы надолго?

– Проездом. Вот заехал к Наденьке. Проверить, как тут у нее дела. В хороших ли она руках.

Надя мило улыбалась, едва сдерживая желание дать Ржевскому увесистый подзатыльник.

– Тогда, может, отобедаете с нами? Федор будет очень вам рад. Надежда Николаевна, вы как, не против?

В первое мгновение Надя хотела вежливо отказаться, но потом, вспомнив рассказ старика Симакова, поспешила согласиться.

– Вот и славно, – Алла Сергеевна оглядела букет, а затем предложила: – Давайте-ка я его в вазу поставлю. У меня есть очень красивая старинная ваза. А у нас соберемся минут че-

рез двадцать, хорошо?

– Огромное вам спасибо за приглашение! – Надя подхватила Ржевского под локоть и потащила в свой номер. – Пока я привожу себя в порядок, расскажешь мне о них, ладно?

– О ком?

– Не тупи, Ржевский! О хозяевах, конечно! Ты знал, что тут раньше дворянское гнездо было?

– Наденька, какое гнездо, какие дворяне? Тебе надо хорошо питаться и думать только о нашем ребенке!

– Я думаю, Паша! Короче, последний владелец этой усадьбы застрелился. Из-за любви, представляешь?

– Э...

– Тупиковая ветвь... – вздохнула Надя и пошла в душ.

Глава 6

– Надюша, – поскребся в дверь Ржевский. – Можно я войду?

– Подожди пять минут, я сейчас, – торопливо ответила она и посмотрела на свое отражение в зеркале.

Стекло немного запотело и кое-где появились тонкие влажные полосы, напоминавшие слезы. Да, хотелось плакать, потому что все складывалось совсем не так, как должно было складываться в идеальной картине счастливого мира. Например, такого, как у ее родителей.

Впрочем, чему удивляться. Мятежный дух, который жил в Наде с самого ее рождения, с годами становился только крепче, и именно он заставлял ее сопротивляться тому, что другим казалось вполне благополучным разрешением всех ее проблем.

Ржевский не задал ей ни одного вопроса, касавшегося их взаимоотношений, словно все то, о чем она сказала ему тогда в ЗАГСе, не имело никакого значения. Да, он отнесся к ее признанию терпеливо и мягко, но это выглядело так, будто она была больной маленькой девочкой.

"Хочу пирожное и самокат!" – вот как он воспринимал ее.

"Выпей микстуру и ложись спать" – так трактовались его действия.

И она старательно, день за днем пила эту микстуру, пыта-

ясь "прийти в себя", но стоило ему появиться, как становилось ясно: пусть на самокате далеко не уедешь, но попробовать стоит.

– Надюша, я так по тебе скучаю, – промурлыкал Ржевский.

– Паш, – Надя толкнула дверь, едва не шарахнув его по лбу, – ты же им рекламу делал! Я точно помню, что ты говорил об этом.

– Ну, делал и что? Я много кому что делал, – Ржевский провел по ее волосам и потянулся губами к губам. – Надюша, а что если нам...

– Нас на обед ждут, – шлепнула она его по рукам. – И вообще, не сексом единым жив человек.

– Хм, а чем же еще? Надюша, ты знаешь, я очень терпеливый! Особенно теперь. Я даже простил тебе твою увлеченность этим... как его... потому что понимаю, это все гормоны. Мне врач объяснил.

– Какой еще врач? – выпучила глаза Надя. – Ты что, обсуждаешь наши отношения с какими-то левыми людьми?! О, Ржевский, как же мне иногда хочется тебя придушить! И закопать где-нибудь под кустом сирени!

– Вот именно, Наденька! И эти всплески ярости – тоже следствие гормональных изменений. Ты уже вошла в третий триместр, значит скоро все устаканится и...

– Я все жду, когда у тебя в голове устаканится, что я больше... что я... – Надя задержала дыхание, глядя в его краси-

вое лицо. – Паша, я правда не чувствую к тебе того, что чувствовала раньше. И этот, как его, а именно, Серебряков, не виноват в том, что со мной происходит.

– Ну вот, Надюша, ты уже умная, ты все понимаешь, да? Ну, где он, и где ты?

Надя прикусила губу. Какой смысл ругаться и растравлять себя еще больше? Ради ребенка этого не стоило делать ни в коем случае.

– Да, где он и где я...

– Прости, девочка моя, но жизнь гораздо сложнее и жестче, чем бы нам хотелось, – Ржевский погладил ее по плечу и демонстративно вздохнул.

– Не тебе говорить мне об этом.

Губы Ржевского сжались в плотную прямую линию, глаза повлажнели.

– Наденька, мы с тобой связаны самой судьбой! – патетически произнес он. – Она обручила нас перед ликом смерти! Если бы не ты...

– Если бы не ты, Паша! – вспыхнула Надя и сжала пальцы в кулак.

– Прости, любимая! – Ржевский поймал ее руку и прижался к ней губами.

– Прекрати ломать комедию, Паша!

– Все, все, успокойся! Тебе нельзя нервничать!

– Вот и не нервируй меня! Пошли!

В чем-то он был прав. Это ей хотелось думать, что между

ней и Серебряковым что-то может быть. Глупо, конечно, но кто может запретить ей мечтать об этом? Пожалуй, со стороны это выглядело смешно и глупо, но, как говорится, неисповедимы пути господни и последствия гормональных скачков.

Они вышли из номера. Надя не знала, куда идти, поэтому доверилась Ржевскому, который прекрасно здесь ориентировался.

– Я тебе расскажу, Надюша, – придерживая ее за локоть, говорил Ржевский, – про рекламную кампанию "Ярославны", раз тебе интересно. Никаких упоминаний о дворянских гнездах там и в помине не было! Живописный уголок, Волга, леса, ягоды и грибы, чистый воздух. Понимаешь? Экосистема. Сюда люди из мегаполисов едут за здоровьем и покоем.

– Я просто думала, что история этого места, как и государства...

– В Москве этой истории навалом! – отмахнулся Ржевский. – А в Питере еще больше! Кому сдались эти твои деревенские помещики? Ты в курсе, что у Золотаревых, хозяев гостиницы, свое производство экологичной продукции? Варенья, соленья, приправы?

– Нет, – покачала головой Надя.

– Теперь знаешь. Так что как они просили, я так и сделал.

– Понятно. Лида сказала, что гости здесь только в сезон приезжают.

– А в не сезон нигде аншлага нет.

– А как ты с ними познакомился?

– Уже не помню. Кажется, Федор Матвеевич обратился ко мне по чьей-то рекомендации.

– А зачем они гостиницу держат? Жили бы себе с доходов от своего посолочно-грибного бизнеса.

– А зачем тебе детективное агентство?

Они пересекли вестибюль, где все еще находились приехавшие на семинар дамы, и вошли в другую половину дома, а затем оказались перед дверью в большой флигель. Надя вспомнила, как проходила мимо него, гуляя в парке.

– Затем, что я...

– Дом большой, сама видишь. Почему бы не сделать из него приятное место для гостей и иметь с этого приличные деньги? Поверь, я бы слова тебе не сказал, если бы ты захотела открыть салон красоты или вот – кафе! Да что там, я бы тебе его купил – на, царствуй! Да мы бы такую рекламу сделали, что...

– Какое кафе, Паша?!

– Уютное, с пирожными и булочками. Ты ведь так их любишь!

– Больше всего я люблю...

– Так, Надя, я надеюсь, ты тут свои детективные флаеры никому не раздавала? – поморщился Ржевский.

– Нет, я...

– Вот и славно. Родишь, там тебе вообще ни до чего будет, так что какой смысл пиариться? Тем более, и хвалиться особо нечем.

– Да как ты можешь говорить такое? Вообще-то у меня уже есть опыт и раскрытые дела, так что...

Но Ржевский уже открыл перед ней дверь и громко воскликнул:

– А вот и мы!

Надя замерла и медленно обвела взглядом круглую гостиную. Эркерные окна пропускали дневной свет, но даже отсутствие солнца не мешало ощущению уюта и благополучия. Старинный комод на гнутых ножках, небольшой кабинетный рояль и круглый, покрытый белоснежной скатертью стол в окружении венских стульев смотрелись очень гармонично и заставляли поверить, что время можно повернуть вспять.

Надя потянула себя за край трикотажной кофты и смущенно улыбнулась.

– Как красиво! Простите, я в домашнем.

– Ну что вы, Надежда Николаевна, какие могут быть политесы! – рассмеялась Алла Сергеевна. – Это Федя – любитель пустить пыль в глаза. Не обращайтесь внимания. Павел Александрович, милости просим.

Напольные часы в футляре из красного дерева пробили два часа.

– Ну-с, господа хорошие, а вот и я! – вошел хозяин из другой двери, за которой находились другие комнаты.

Надя видела его несколько раз, но лично не разговаривала. Всеми вопросами в гостинице занималась Алла Сергеевна, и теперь, после того как стало известно о том, что у Золо-

таревых есть еще один бизнес, стало понятно, почему Федор Степанович не вникал во внутренние дела. А может, вникал, но оставался в стороне. Он был невысокого роста и некрупной комплекции, с окладистой ухоженной бородой и цепким взглядом внимательных серых глаз.

Стол был прекрасно сервирован. В фарфоровой супнице их ждал борщ, на тарелках закуски и соленья. Скоро Надя перестала чувствовать неловкость, смеясь над шутками и историями Федора Степановича, которыми тот сыпал словно из рога изобилия.

– Так что мы много путешествовали и много чего видели, – подытожил он. – А на старости лет решили осесть в этом чудесном месте. Вы, Надежда Николаевна, как я понимаю, уже успели оценить и просторы, и воздух?

– Да-да, я под впечатлением! – искренне заверила его Надя и с аппетитом принялась за жульен.

– Ты на грибы не очень налегай, – негромко посоветовал Ржевский.

– Смотри в свою тарелку, – в том же тоне ответила Надя, а затем продолжила: – А я сегодня была в местном музее! Очень понравилось!

Золотарев хмыкнул и покачал головой:

– И что, был там кто-то, кроме вас?

– Нет. А, нет, сторож еще был, Симаков!

– То-то и оно, Надежда Николаевна, что никому все это не интересно. Боюсь, прикроют музей рано или поздно.

– Так вы поэтому хотели выкупить экспонаты? – не удержалась Надя.

Брякнула вилка, и Алла Сергеевна прижала салфетку к губам.

– Именно так, – спокойно кивнул Золотарев. – Все что вы здесь видите, приобретено с умом, отреставрировано и используется по своему прямому назначению. Вещи должны работать, иначе они приходят в упадок и морально обесцениваются.

– Интересное мнение. Впрочем, не возьмусь судить, я не особо разбираюсь в ценных породах дерева или в изразцах, – Надя дернула подбородком в сторону высокой печи.

– А в чем вы разбираетесь, Надежда Николаевна? – с улыбкой прищурился Золотарев.

Надя покосилась на Ржевского.

– Подумываю кафе открыть... или салон красоты.

Ржевский закашлялся и схватил бокал с минеральной водой.

– Любите готовить? – приподняв бровь, поинтересовалась Алла Сергеевна.

– Люблю вкусно поесть, – бесхитростно заявила Надя. Правду она говорила легко и беззаботно.

После содержательного во всех смыслах обеда, Надя отпустила Ржевского восвояси и наконец выдохнула. Он все-таки всучил ей пакет с фруктами, и теперь она пыталась сообразить, стоит ли нести его в номер.

– Лида, а не хотите апельсинов с бананами? – предложила она, остановившись у стойки.

– Не откажусь, – улыбнулась Лида.

– Вот и отлично! А я в номер. Кстати, гуру еще не прибыл?

– Еще нет, ждем. Думаю, к ужину точно появится. У них сборище в восемь.

– Будет что интересное, расскажете?

Лида покатала по стойке апельсин и пожала плечами:

– Ничего там интересного нет. Уж поверьте.

– Ну а вдруг? – с грустью спросила Надя. Не зря же столько женщин приехали сюда в поисках счастья.

Она обернулась, разглядывая одухотворенные лица, а потом побрела в номер, чтобы немного поплакать, а потом почитать.

Глава 7

"Я счастлив, я практически обезумел от счастья, потому что стою прямо за ней в автобусе и вдыхаю запах ее волос. Мне кажется, они пахнут солнцем и садом, и перешибить этот аромат не может ни пыль старого "ПАЗика", ни вонючее амбре едущих с работы пассажиров. Я не замечаю никого и ничего вокруг. Мое лицо так близко к ее затылку, что, когда выбившийся из прически волосок касается моих губ, тело простреливает словно от удара тока.

Люблю! Люблю! Мне хочется кричать об этом на весь пыльный душный салон, забитый под завязку уставшими людьми.

На повороте автобус качнуло в сторону, и я ткнулся носом прямо в затылок Ирис. Больше того, сзади на меня навалился какой-то мужик, и, чтобы удержаться на ногах, я был вынужден схватить ее за плечо.

– Прости... те... – задохнувшись от неожиданности, пробормотал я и стал пятиться к выходу.

Человеческая масса сдавливала меня со всех сторон, но я, наплевав на ругательства и ответные тычки, продолжал молотить локтями и ввинчиваться в толпу, сгорая от стыда.

Когда автобус остановился, извергнув меня вместе с другими пассажирами, я обернулся и увидел ее лицо. Ирис смот-

рела на меня, и я мог бы поклясться, что на ее губах играла насмешливая улыбка."

Страница за страницей Надя погружалась не только в переживания героя, она ощущала непонятное беспокойство, предчувствие чего-то страшного, надвигавшегося лавиной, сметающей все на своем пути. Объяснить это было сложно, но она точно знала, что с момента зарождения любви, зародилось и зло, которое неминуемо заявит о своих правах.

"...Все чаще я встречал ее на своем пути. Теперь не я, а она преследовала меня. Нас разделяло всего несколько шагов или, может быть, метров, но каждый раз я пасовал, не в силах начать разговор. А она смотрела на меня долгим изучающим взглядом, словно знала обо мне что-то такое, чего я и сам не ведал."

Надя поменяла положение, подоткнув подушки, и провела ладонью по щеке. Слезы уже давно высохли, да и предавалась она им недолго. Вспомнила Серебрякова с ведром возле его служебного кабинета, потом как фотографировалась на его телефон... Вздохнув, она погладила себя по животу и продолжила чтение.

"С Аликом и другими нашими общими друзьями я теперь виделся нечасто. Скоро мне предстояло вернуться к учебе, но я даже представить себе не мог, что уеду, так и не признавшись ей в своих чувствах. Странная ситуация, учитывая, что Ирис словно сама искала встреч со мной..."

Но однажды Алик поймал меня у дома и спросил, куда я

все время хожу. Он наблюдал за мной, что, в принципе, было вполне объяснимо, ведь жили мы на одной улице. Я что-то соврал, он сделал вид, что поверил мне. А потом, якобы случайно, обмолвился, что знает брата Ирис. Но ведь он ей совсем не брат. Его даже сводным не назовешь. Я молчал, а он, гаденько усмехаясь, вдруг выдал такое, отчего у меня перехватило дыхание и зазвенело в голове...

– Да он с ней... точно тебе говорю!

– Ты же сам не видел, – слабо огрызнулся я.

Алик сплюнул.

– Хочешь верь, хочешь нет. Мое дело предупредить.

Этот парень, с кем она жила в одном доме, не был ни уголовником, ни хулиганом. Я знал, что он работал в шиномонтаже и даже видел его с разными девушками в городе и на дискотеке. Конечно, это вранье, то, что говорил Алик. Конечно..."

За окном вдруг раздался хор голосов, в котором явственно звучали крики: "Счастью быть!", "Я достойна лучшего!" и "Здравствуй, счастье!"

Надя отложила книгу и поднялась. Отодвинула штору и попыталась разглядеть, что происходит, но успела заметить лишь "хвост" шествия – группа женщин уже заворачивала за угол.

– Ну и ну, – покачала она головой. – Прямо секта, а не курятник!

Глянув на часы, Надя с удивлением увидела, что время

подбирается к ужину. Прислушавшись к себе, решила еще поваляться с книгой и съесть банан.

Через полчаса раздался телефонный звонок. Надя нахмурилась, глядя на незнакомый длинный номер, но потом все же ответила.

– Надя, ты? Это Максим Тураев!

– Привет! Как я рада тебя слышать! Ну, как твои дела? – Надя прижала трубку плотнее, потому что за окном снова раздались радостные вопли: "Счастье есть!", "Я и есть счастье!" – Вот же, блин... Говори громче!

– Надя, ты меня слышишь?

– Слышу, Максим!

– Как ты, Надюша? Я в Китае. То есть мы в Китае! С Олесей!

– О... – Надя подобралась и потерла затекшую поясницу. – И как?..

Ей очень хотелось узнать, что показал анализ ДНК, но по этическим соображениям она не могла спросить об этом в лоб, даже несмотря на их дружеские отношения с Тураевым, и поэтому ждала, когда он сам расскажет ей обо всем.

– Отличная клиника, прогнозы положительные. Конечно, не все сразу, надо будет пройти несколько реабилитаций, но здесь и иглотерапия, и массажи, и водные процедуры. В общем, я очень надеюсь, что у нас получится!

– Максим, если тебе будет нужна какая-то помощь или совет, я всегда готова! И я рада, что... что вы вместе!

Тураев помолчал, а затем с присущей ему твердостью в голосе произнес:

– Надь, неважно, что показал тест. Я в суд бумаги уже отправил, мой адвокат все подготовил. И Олеся согласна. Татьяна Васильевна тоже. Ты знаешь, я смотрю на нее и понимаю, что она моя дочь, понимаешь? А что там тест показывает, это неважно, правда?

– Правда, Максим, – Надя сморгнула слезы и шмыгнула носом.

– Ты сама нормально? Ты извини, мне надо идти. От Татьяны Васильевны и Олеси привет! Если что, пиши и звони на этот номер, пока я здесь!

– У меня все нормально! Отдыхаю за городом, детективы читаю!

– Расскажешь потом! Все, обнял!

– Пока, Макс!

Надя спустила ноги с кровати и нашарила тапочки. Снова захотелось плакать, теперь от радости за Олесю. И за Максима Тураева, конечно. Она несколько не сомневалась, что он оформит удочерение, и ни один суд не сможет ему отказать. А если что, то она сама подключится и обязательно устроит так, как должно быть.

"Счастье есть! Счастью быть!" – скандировали за окном.

– Да что б вас оглушило счастьем до голубых звезд в глазах! – всплеснула руками Надя и рассмеялась.

Глава 8

– Как вам заливное из судака? – поинтересовалась Алла Сергеевна, присев рядом с Надей за ужином.

– Ой, а я даже не заметила, как съела, – смутилась Надя, зажимая пальцем страницу. – Зачиталась.

– Вы как Федор, все время носом в книгу, – Алла Сергеевна пригубила душистый липовый чай и с интересом посмотрела на Надю. – Простите, если донимаю вас разговорами. Что-то я замоталась сегодня. Семинар еще этот! Только представьте, что я сегодня наблюдала в нашем парке. Это не гимнастика, не йога, а... Наклоны, поклоны, потом ходьба строем вокруг дома, как на демонстрации. И еще эти крики, – хозяйка гостиницы прижала затянутую в перчатку ладонь к губам и закатила глаза.

– Я тоже слышала, – кивнула Надя. – В таких случаях обычно говорят: каждый по-своему с ума сходит. – А гуру уже приехал?

– Приехал. Отдыхает в номере. – Алла Сергеевна открыла крышечку на старинных часиках в виде серебряной груши, висевших на ее груди, и сказала: – Семинар через полчаса. Этот их гуру попросил в номер бутылку коньяка и лимон, представляете? В группе есть одна дама, так она все его расходы оплачивает со своей карты. Лида! – махнула она заглянувшей в ресторан помощнице, – Спросите у нашего гостя,

не надо ли ему еще чего. И еще передайте, что ужинать придется здесь. Я против того, чтобы еду носили в номера, – добавила она, обращаясь к Наде. – Знаете, многие так наплевательски относятся к гигиене! Уборка у нас, сами знаете, по требованию. Но если позволить бегать туда-сюда с тарелками, то жди нашествия тараканов и грызунов.

– А как же мое молоко и печенье? – Надя сделала бровки домиком.

– К вам у меня особенное отношение, Надежда Николаевна. К тому же, пока вы гуляли, в номере сделали влажную уборку и сменили постельное белье.

– Спасибо большое. И за приглашение на чудесный обед! Я прекрасно провела время в вашем обществе!

– А вы заглядывайте к нам! Как я понимаю, во времени вы не ограничены?

Надя отвела глаза.

– Как вам сказать... Была мысль уехать, но я ее еще толком не обдумала. Дня два-три точно еще побуду здесь.

– Вот и славно! Честное слово, впервые у нас такое шумное заселение. Я было поначалу обрадовалась, но сейчас даже не знаю, что и сказать. В прошлом году, в июне, у нас здесь писательский слет проходил, так было тихо-мирно! Пили, правда, много, но под окнами не орали и не дрались. Культурные люди.

– Ну, женщины ведь драться не станут.

– Надеюсь. И все равно, как-то это все странно выглядит...

– Зато весело! Заразная это, все-таки, штука – счастье!

– Наверное.

– Чем бы дитя не тешилось.

– Ну, да...

– Давно вы женаты?

– Нет. Мы поженились уже в зрелом возрасте. И детей у нас нет.

– Вы прекрасная пара.

Алла Сергеевна опустила чашку на блюдце:

– Надежда Николаевна, я у вас спросить хотела...

Она не успела продолжить фразу, как в зал зашел Федор Степанович. Надя поприветствовала его улыбкой, но он окинул их растерянным взглядом, потом помотал головой, словно ошибся местом, и вышел.

Алла Сергеевна поднялась и, не попрощавшись, последовала за ним, а Надя выдохнула. Она боялась, что вопросы хозяйки будут из категории личных, отвечать на которые ей совершенно не хотелось. Уж лучше бы о книгах или об искусстве, но Алла Сергеевна подобными вещами не интересовалась.

Надя допила чай и отправилась в вестибюль. Облокотившись на стойку, Лида смотрела прямо перед собой, изучая брошюру, и вздрогнула, когда Надя подошла совсем близко. Брошюра тут же перекочевала за стойку.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, у меня все хорошо. Скажите, Лида, а вы тоже жи-

вете здесь, в усадьбе?

– У меня служебная площадь. Комната.

– То есть, вы не местная?

Лида провела кончиками пальцев вдоль линии коротких волос на виске, будто заправляя выбившийся локон.

– Нет, – коротко ответила она.

Надя ощутила, как между ними словно выросла невидимая стена. Не то чтобы она рассчитывала на откровенность после того, как вручила девушке банан и апельсин, просто они были близкого возраста и могли бы поговорить о чем-нибудь отвлеченном... Однако беседа явно не клеилась.

– Вы видели этого гуру? – сделала последнюю попытку Надя.

– Видела.

– И как он вам?

Лида пожала плечами:

– Ничего примечательного.

– Его адепки наверняка другого мнения. Может, он владеет гипнозом?

Лида в упор посмотрела на Надю, а потом непонимающе нахмурилась.

– Кто владеет гипнозом?

– Гуру, – в свою очередь опешила Надя. – Я, кстати, слышала об одном деле, так там муж таким образом воздействовал на жену.

– А, чтобы завладеть ее бизнесом и средствами? – без осо-

бого интереса предположила Лида.

– И это тоже. Но как он сам говорил, все это было от большой любви. Люди иногда совершают ужасные вещи, когда любят! Вот я сейчас одну книгу читаю, так там...

– Если совершают ужасное, то это не из-за любви, – быстро проговорила девушка. – И еще: в книгах, конечно, многое можно прочитать, но в жизни все куда страшнее. Ладно, вы извините, мне еще надо кое-что сделать. Алла Сергеевна просила.

– А семинар уже начался? Можно мне хоть одним глазком на него глянуть? – взмолилась Надя.

– Не бойтесь, что вас гипнозом случайно заденет? Сегодня, кстати, сериал новый начинается по первому каналу. Исторический.

– Нет, я телевизор не смотрю. Предпочитаю жизненные истории.

– Ну, тогда не стану мешать, – хмыкнула Лида. – Они в малой гостиной, это справа по коридору.

– Спасибо!

Надя направилась в нужном направлении и, когда оказалась перед дверью, попробовала ее открыть. Однако дверь была заперта изнутри, и она с трудом удержалась от того, чтобы пнуть ее от разочарования и досады. До нее доносились заунывные рулады какой-то медитативной мелодии.

– Ну вот, даже счастье строго по прейскуранту и по записи. Для особо избранных, – пробурчала она и отправилась в

свой номер.

Когда она шла по коридору, то слышала какое-то бормотание. Покрутив головой, Надя подошла к одной из дверей, откуда, как ей показалось, доносились звуки, и прижалась к ней щекой.

– Этого не может быть... этого не может быть! – узнала она голос Федора Степановича. Затем раздались шаги. Они приближались, и Надя торопливо засеменила прочь.

Толкнув свою дверь, она шагнула в темноту и прикрыла ее за собой, оставив узкую щель.

Золотарев стремительно удалялся по коридору к лестнице. Недолго думая, Надя вышла и вернулась к чужому номеру. Подергав за ручку, убедилась, что и эта дверь заперта.

– Да что же это такое! – сердито пробормотала она. – Ну не сериал же мне смотреть, в самом деле!

Глава 9

"...Накануне моего отъезда Алик напоил меня, сказав, что так и поступают друзья. Пьют, закусывают и разговаривают обо всем. А потом ищут приключений. Я хохотал как безумный. Алик Бобовкин всегда умел рассмешить. И вообще, пожалуй, он единственный, кто воспринимал меня всерьез.

После безудержного смеха я впал в глубокую печаль, оттого что так ничего и не предпринял. Мы с Аликом пошли в ДК, а потом я потерял его в толпе и вышел на воздух, чтобы проветриться. Меня знатно корежило и мучило от выпитого...

...На улице, в слабом свете фонаря я вдруг увидел ее... она подошла и взяла меня за руку...

– Пойдем...

И я пошел..."

Надя перелистнула страницу и прислушалась. Раздались приглушенные женские голоса и смех. Глянув на часы, Надя хмыкнула, двенадцатый час! Похоже, участницы семинара расходились по своим номерам. Интересно, в чьем номере был Золотарев? И что его так удивило?

Надя слезла с кровати и подошла к двери. Приоткрыв ее, посмотрела в щелку.

Две молодые женщины стояли в коридоре и разговарива-

ли с кем-то, стоявшим на пороге номера. Дверь открывалась наружу, и Надя не могла разглядеть того, кому они улыбались и перед кем исполняли извечный невербальный танец желаний.

"Определенно, мужчина, – решила Надя. – И я даже догадываюсь, кто. Этот их гуру, на которого они молятся. Неужели он пригласит их к себе в номер, а потом в постель?"

Стараясь не думать о дальнейших вариантах развития событий, она вернулась в кровать.

"...я не мог поверить, что все это происходит со мной на самом деле... Я был откровенно пьян и влюблен... В голове шумело, перед глазами все плыло... Я что-то говорил, о чем забывал уже в следующую минуту..."

Сарай во дворе их дома... чужие запахи... ее запах..."

Надя испытывала странную смесь любопытства, смущения и отторжения, но не могла оторваться от чтения. Ей давно пора было спать, но она никак не могла себя заставить отложить книгу.

Хлопнула дверь. Затем другая, рядом с ее номером.

За окном вдруг резко подуло, так, что дрогнула рама. Надя пододвинула ночник поближе и поправила подушку за спиной.

"...все было как во сне, и это правда. Спроси меня сейчас, что я чувствовал, я не отвечу. Все смешалось вокруг и во мне в один горячий сияющий ком..."

О как прекрасны метафоры, но на самом деле, после су-

масшедшей яркости всегда приходит тьма...

Я очнулся от слепящего света, бывшего прямо в глаза... Я был один и не сразу понял, где я и что со мной...

...мои руки были чем-то испачканы. Запах... я пытался вспомнить, но ужас, объявивший меня, поглотил без остатка любые мысли и предположения...

Ее дом горел. Нет, он полыхал!..

...на четвереньках я полз мимо него и скулил, словно раненый пес...

...мои руки пахли бензином... моя одежда впитала этот запах...

...скатившись в овраг, я замер и лежал так какое-то время, пока меня не стало рвать...

...домой... я хотел домой, чтобы спрятаться там и прийти в себя...

...я не мог! Нет, я не мог! Но что если..."

Надя натянула одеяло до самого подбородка и снова посмотрела на темное окно. Ветер только усиливался.

"...я разделся прямо на улице, за домом, и в одних трусах вошел внутрь. В горле першило, руки и ноги тряслись. В комнате матери горел свет, но было тихо. Кажется, она спала. Я проскользнул в ванную и встал под душ, чтобы согреться. Потом сунул одежду в стиральную машину и насыпал порошка. Знал, что мать будет ругаться, но я уже придумал, что скажу ей. Упал, испачкался, но эти вещи я хочу взять с собой... Она поверит..."

Слезы текли по моим щекам, сердце билось о ребра, и я желал только одного – чтобы оно совсем перестало биться..."

– Но ты же этого не делал, правда? – пробормотала Надя и перевернула страницу.

Спала она плохо. В сознании то и дело вспыхивали картины из книги. И сама Надя словно была там и видела все своими глазами. К утру ветер утих, сквозь мысленный туман она поняла это так отчетливо, будто стояла у окна. Сразу стало легче. Зрительный хаос прекратился и вместо него наступила чернота, на которой вдруг зажглись маленькие голубые точки звезд...

...Проморгавшись, Надя зевнула. Наступило утро и довольно хмурое.

– Надо прекращать эти ночные посиделки. Хотя бы до момента, когда рожу. Можно ли выспаться впрок? – задала она себе вопрос, на который и так знала ответ: нет.

Рассматривая себя в зеркале, Надя вставала то одним боком, то другим, и отражение ей нравилось.

– Прости меня, малыш! Надеюсь, ты спал хорошо, а вся эта гадость была только у меня в голове.

Высушив волосы и побродив по номеру, искоса поглядывая на книгу, Надя решила пристать к кому-нибудь из вчерашних "кур" и поспрашивать ее или их о семинаре. Наверняка им нужна "свежая кровь" в их "счастливые" ряды, а ей

хоть какое-то развлечение.

Но когда она спустилась вниз, то сразу поняла, что случилось что-то из ряда вон. Ее обогнала одна из дамочек, на ходу натягивая свитер, и вид у нее был такой, будто за ней гнались черти.

– А что случилось? – крикнула Надя.

Женщина остановилась. Лицо ее перекосилось и стало серо-зеленого цвета.

– А вы не знаете?! Федосевич умер!

– Да вы что? А кто это?

Женщина глянула на нее влажными покрасневшими глазами, а затем прикрыла их дрожащей ладонью в трагическом жесте.

– Он гений! Господи, какой ужас!..

Конечно, смерть, особенно безвременная, это ужас, подумала Надя. Или ужас заключается в том, что она понятия не имеет, кто такой этот почивший Федосевич?

– А что с ним произошло?

Женщина отмахнулась и быстро зашагала прочь. Хлопнули входные двери. Надя огляделась. В гостиничном холле она осталась одна. Через окно заметила, что сотрудники и гости направляются через парк в сторону реки, и тогда она решительно вернулась в свой номер, оделась и торопливо засемила туда, куда стекалась толпа.

– Федосевич, – повторяла она. – Уж не гуру ли?!

Люди стояли вдоль обрыва и смотрели вниз. Надя поис-

кала глазами Аллу Сергеевну, и, заметив кутавшуюся в меховой полушубок женщину, подошла к ней.

– Надежда Николаевна, ну, зачем вы пришли! В вашем положении...

– Что случилось? – Надя вытянула шею и пригляделась к спящим на берегу оперативникам. – Говорят, Федосевич умер?

Тело, уже прикрытое одноразовой простыней, лежало внизу, Надя смогла разглядеть только торчавшие носы ботинок. Высота была не такой уж большой, но ведь и упасть можно по-разному. Сколько угодно случаев, когда люди ломали шею в собственной душевой.

– Оступился? – предположила она.

Алла Сергеевна пожала плечами и поежилась от порыва пронизывающего ветра.

– Так это и есть этот гуру? А вы видели, как он уходил сегодня из гостиницы? – не отставала Надя.

– Нет, не видела. Пойдемте, Надежда Николаевна, – потянула ее за рукав Алла Сергеевна. – Жутко на все это смотреть. Ох, не так я себе представляла рекламу нашего заведения...

Придерживая друг друга под локоть, они направились к гостинице, когда навстречу им выехал автомобиль. Машина проехала мимо и остановилась в нескольких метрах позади.

– Сюда! Сюда! – кричал оперативник, размахивая руками.

– Ну, вот и местное начальство пожаловало... – вздохнула

Алла Сергеевна. – Замучают теперь допросами.

– Что вы так сразу? Может, и нет. Если произошел несчастный случай, то допросят и уедут, – возразила Надя.

Из машины вылезли трое мужчин, и Надя ахнула, узнав одного из них.

– Не может быть...

– Вы что-то сказали?

Надя покачала головой и почувствовала, как затрепетало в груди.

– Игорь Иванович, мы тут не задержимся. Глянем побыстрому и вернемся. Вроде как ничего серьезного...

Надя задержала дыхание. Алла Сергеевна тянула ее вперед, но она застыла, не в силах отвести глаз от Серебрякова.

Наконец он повернулся в их сторону и мазнул по ним быстрым взглядом.

«Не узнал?!» – опешила Надя.

– Нам еще опрашивать свидетелей, – сказал Серебряков. – Вон их тут сколько, – кивнул он, указывая на Надю и Аллу Сергеевну.

– Опросим, конечно! Хотя смысла я в этом не вижу. Оступился, бывает.

– Дождемся результатов экспертизы, – ответил Серебряков и поднял ворот куртки.

– Так да, разумеется. Кто ж знал, что так получится? И ведь именно тогда, когда вы... Да он и сам поди не догадывался! – хмыкнул мужчина.

– Да уж, – хмуро пробурчал Серебряков. – Ладно, давайте посмотрим, что там и как. И пусть территорию очистят, а то народу набежало как на рынке. – Он снова глянул на Надю и, кашлянув, стиснул челюсти.

А Надя закусила губу и засунула поглубже руки в карманы. Как там в их первую встречу сказал Серебряков: «Если бы Залесский не предупредил, что вы своеобразный человек, прошел бы мимо...»

– Вот и прошел...

– Вы что-то сказали? – сжала ее ладонь Алла Сергеевна.

– Нет. Пойдемте...

Надя зашагала к гостинице. Несколько раз она оборачивалась в смутной надежде, что Серебряков окликнет ее, но этого не случилось.

Глава 10

– А я вам ответственно заявляю, Игорь Иванович, что у нас тут лет десять уж как ничего криминального не происходило! Живем как у Христа за пазухой. Люди хорошие, тихие! Случайность это, помяните мое слово! – крикнул участковый Пуговкин.

– Я понимаю, Егор Палыч, но буду смотреть, проверять. Криминогенная обстановка, она, знаете ли, от многих факторов зависит. И в тихом омуте всякое-разное случается. Вы уж простите меня, но ваша уверенность меня некоторым образом удивляет.

– Да кабы я знал, что так обернется-то! – развел руками тот. – У меня же выслуга, а тут такое!

– Да что вы в самом деле! – одернул его Игорь. – Я понимаю, статистика, все дела. Но ведь и вы, извините, не господь бог! А вас послушать, так без вашего соизволения тут и муха не пролетит!

– Черт бы этого Федосевича побрал! И принесла ведь его нелегкая именно к нам в Веригино! Ведь тихое же место, ну! Ничего особенного! Мы тут крепно живем, по совести!

– Ну вот и проверим все по уму. Крепно.

Краем глаза Игорь следил за удалявшейся по тропе женской фигурой и, чтобы скрыть боль и досаду, разговаривал нарочито жестким, сухим тоном.

Он увидел Чарушину сразу, как только "Нива" участково-го Пуговкина въехала на холм. Увидел и сразу же потерялся под шквалом нахлынувших чувств. В висках застучало от прилившей крови, и сердце, будь оно неладно, подскочило к самому горлу.

– Так-то можно было и по берегу проехать, но грязь, сами понимаете. Развезло. Вот приморозит, милое дело будет! Но вы не переживайте, там спуск есть, надо несколько метров пройти. Да вы и сами увидите. У нас ведь тут все по-простому: нас в поселковом отделе всего трое. Правда еще народная дружина есть, да... – не унимался Пуговкин.

– Дружина? – вскинул брови Игорь. – Дружина – это, конечно, сильно. Может, у вас потому и тихо, что вы тут сами за порядком следите? – Игорь стал осторожно спускаться, но ноги предательски скользили по траве.

Двое его сотрудников делали свое дело, и он, откинув простыню, посмотрел на погибшего. Затем тем же макаром поднялся наверх. Участковый все это время разглагольствовал, совершенно не смущаясь хмурого взгляда Серебрякова.

– Так и есть, Игорь Иванович! Это вы точно заметили! Кто если не мы? Нет, оно, конечно, случается, драка или мордобитие, но все мирным путем потом решается. И опять же, – хитро прищурился Пуговкин, – кто виноват в девяносто девяти процентах в подобных ситуациях?

– Кто? – нахмурился Игорь, отряхивая руки. – Водка? Кстати, по статистике восемьдесят процентов бытовых пре-

ступлений и семьдесят пять процентов суицидов совершается в состоянии алкогольного опьянения.

– Да что эта ваша статистика понимает! – воскликнул Пуговкин. – Бабы! Тьфу, женщины! Я вам точно говорю, и не только я. Великие умы давно доказали: шерше, понимаешь, ля фам! Ищите, значит, ба... женщину!

– То есть вы все-таки предполагаете, что смерть Федосевича могла быть вызвана не несчастным случаем? – уточнил Игорь. – Женщин здесь, как вы сами изволите видеть, более чем достаточно.

– Э... вы меня не путайте, Игорь Иванович! У вас, может, и есть какие подозрения, а я так скажу: мог оступиться человек и шею себе сломать! К тому же пахнет от него спирто-содержащими парами.

– А это вы откуда знаете? Когда успели обнюхать покойника? – усмехнулся Игорь.

– Я не успел, вы же сами знаете! Я ведь вас встречал. А Васильич, тот, из рыбаков, когда его нашел, естественным образом амбре уловил!

– Так, хватит с меня этих ваших рыбачьих баек! Экспертиза покажет. И, кстати, где эти ваши рыбаки?

– Так я их домой отправил.

– В смысле?! – выпучил глаза Игорь.

– Так ведь рыбу-то надо свезти? Попортится ведь! Да вы не волнуйтесь, они скоренько приедут.

– Дурдом...

Пуговкин потоптался на месте и снова тяжело вздохнул:

– Эх, ну как же это его угораздило-то? На вверенном мне участке! Что б его, этого Федосевича... Чего он вообще сюда поперся? Главное, рыбаки наши к берегу приплыли с ночной, а он лежит. Теплый еще. Наши-то промерзли, а он, значит, еще нет... Вам бы на часок пораньше приехать, Игорь Иванович! И взяли бы его... тепленьким-то...

– Как ордер получил, так и приехал!

– Да, оказия случилась... Вот если бы вы чуток пораньше-то, глядишь и...

Игорь отмахнулся и зашагал к машине.

– В усадьбу сразу или как? – окликнул его Пуговкин.

– В усадьбу. Только знаете, Егор Палыч, вы поезжайте. Оборудуйте там место для допроса, а я пешком пройду. Не заблужусь?

– Да не! Вон же она, усадьба-то! – указал Пуговкин. – Больше здесь ничего и нет. И вообще, помяните мое слово, сам он свалился, а мы людей зря потревожим. Ведь потревожим, а, Игорь Иванович? – с надеждой в голосе сказал участковый.

Игорь Серебряков сунул руки в карманы и исподлобья оглядел плотного румяного участкового.

– Все будем делать так, как положено по уставу! – припечатал он.

– Ясно. Ну, я тогда поехал. Серега! – крикнул он молодому парню, младшему лейтенанту, который с детским лю-

бопытством взирал на происходящее. – За мной шуруй! В "Ярославну" помчали, пока свидетели не разбежались!

Женщины, а их было не меньше десяти, зареванные, со вспухшими носами, сбились в кучки и взирали ошалелыми глазами то на берег, то на Серебрякова.

– Прошу всех вернуться в усадьбу! – громко приказал Игорь. – И приготовьте паспорта!

– Погодите, молодой человек!

Игорь увидел мужчину лет пятидесяти, с бородкой, в накинутаой на плечи тонкой замшевой куртке.

– Вы кто?

– Владелец усадьбы, Золотарев Федор Степанович. Такое дело... мы в шоке...

– Кто мы?

– Я и супруга. Вы ее видели, она только что ушла с одной из наших постоялиц.

– Возвращайтесь в дом, Федор Степанович. Вы же всех своих гостей знаете.

– Ну... документация у нас в порядке. Там Алла и Лида вам все покажут. У нас все строго, мышь не проскочит... – Он покачал головой и стянул полы куртки на груди.

– Идите, ветрено, – посоветовал Игорь.

– Я с вами тогда? Вдруг вопросы какие...

– Вопросы будут, даже не сомневайтесь. Я пока осматриваюсь.

– Понял...

Золотарев зашагал к усадьбе, а Игорь открыл дверь "Нивы" и достал портфель. С каждым шагом по утоптанной влажной от ночной изморози тропе его волнение только усиливалось. Возможно, ему следовало дожидаться, когда тело погибшего Федосевича погрузят в машину и увезут, но Игорь знал, что все и так будет сделано по правилам, которым он и сам следовал беспрекословно. Но сейчас перед его глазами все еще стояло лицо женщины, у которой были свои правила и свой взгляд на вещи. И это ему очень в ней нравилось.

Да что говорить, ему в ней нравилось абсолютно все! За несколько мгновений Игорь Серебряков успел заметить и непослушные темные локоны вокруг бледных скул, и голубоватые тени под глазами.

"Плохо спит? Неважно себя чувствует?" – Мысли метались в его голове, подстегиваемые эффектом неожиданности, который он испытал, увидев ее на дороге.

Все что угодно Игорь Серебряков мог представить, но только не стоявшую рядом с местом обнаружения трупа Надю Чарушину. Он-то думал, что она где-нибудь у моря, там, где осень тепла и благозвучна. Он был уверен в этом и не смел спросить напрямую. Потому что не имел на это никакого права.

"Друг... какой я ей друг? Я не могу быть другом. Мне этого мало. А раз так, то..."

Автомобильный сигнал заставил его отступить. В маши-

не, кроме участкового и его помощника, на заднем сидении уместились четверо женщин. Остальные, кто был одет потеплее, шли позади. Золотарев несколько раз обернулся, прежде чем скрыться из виду за парковыми насаждениями.

"Что я ей скажу? – размышлял Игорь, попутно разглядывая и сам дом, и берег, и парк. Было во всем этом что-то исконно русское, что не встретишь больше нигде. Низкие облака, острый влажный запах большой воды. И раскинувшаяся внизу Волга. – Что же я ей скажу?.. Явно не то, что хочу... Потому что не имею права... Я обещал..."

Игорь скрипнул зубами и прибавил шагу. Обещания надо сдерживать, напомнил он себе.

Глава 11

Все потихоньку собирались в вестибюле. Расстегнув пальто, Надя стояла у окна и смотрела на дорогу, где должны были появиться остальные, включая Серебрякова. Три женщины всхлипывали, обнимая друг друга за плечи. Алла Сергеевна распорядилась, чтобы на столе в ресторане поставили тарелку с бутербродами и включили кофемашину.

– Вы бы перекусили, Надежда Николаевна, – предложила хозяйка. – И сядьте, в ногах правды нет.

– Ничего, я постою, – ответила Надя.

Когда подъехала машина, она задержала дыхание, при виде выходящих из нее людей. Двое мужчин из тех, кого она видела вместе с Игорем, остались курить, женщины зашли в дом. Минут через пять появился Золотарев. Он шел немного расштанной, но быстрой походкой и, когда оказался внутри, ни слова ни говоря, направился на свою половину дома.

– Федя! – окликнула его Алла Сергеевна, но он даже не оглянулся. Тогда она покачала головой и велела Лиде: – Распечатай заселение по номерам, пожалуйста. Все равно ведь спросят. Феде нельзя волноваться, – объяснила она вполголоса Наде, – сердце барахлит.

Зашумел принтер.

– В связи со случившимся, нам же пересчитают стоимость проживания? – вдруг подала голос одна из женщин. И во-

прос ее звучал по-деловому, не особо увязываясь с опухшим лицом и покрасневшим носом.

– В смысле? – не поняла Лида и поискала глазами Аллу Сергеевну. Та в этот момент была в зале ресторана.

– В том смысле, что лично я не собираюсь здесь больше задерживаться!

– Ну, тут уж как пойдет, – вставила свои пять копеек Надя, чем вызвала негодование в кругах "семинаристок".

– Что вы хотите этим сказать? – Женщина наклонилась вперед, буравя Надю тяжелым взглядом.

– Ничего, что бы могло каким-то образом повлиять на случившееся.

– Вот и не лезьте не в свое дело!

"Да, дело не мое, и вообще... – Надя вздрогнула от продолжения собственной мысли, в которой явственно прозвучало: и мужчина тоже не мой..."

И вскоре на дорожке появился Серебряков, как олицетворение не только хмурой осенней погоды, но и повода, по которому он явился в Веригино.

Хлопнула дверь. Женщины подобрались, словно кошки, готовые к броску.

Серебряков остановился, вытер ноги о придверный коврик, а потом огляделся. Заметив Надю, он замер и с видимым трудом отвел глаза, а затем произнес, обращаясь к Лиде:

– Где я могу расположиться, чтобы опросить свидетелей?

– Можно в конференц-зале, – засуетилась Алла Сергеевна. – Там у них, – кивок в сторону женщин, – вчера собрание было.

– Да, отлично, – кивнул Серебряков и перехватил портфель из одной руки в другую. – Мне нужен список всех, кто находился в гостинице со вчерашнего дня.

– Вот, возьмите, пожалуйста, – протянула листок Лида.

– И попить бы, если можно...

– Чай, кофе?

– Воды, пожалуйста.

– Сейчас все сделаем!

С появлением участкового и его помощника в вестибюле сразу стало тесно и шумно. Все заговорили разом. Женщины о том, что они хотят поскорее уехать, Серебряков о соблюдении очередности и важности опроса, а румяный мужчина в форме требовал горячего кофе, чтобы согреться.

Надя наблюдала за Игорем и уже не ощущала ни обиды, ни растерянности. Было заметно, как он, разъясняя женщинам необходимость успокоиться и приготовить документы, словно специально поворачивался к ней боком, но при этом постоянно косился в ее сторону.

"Да ведь он прав! Здесь я такой же гость, как и все остальные. И никто не знает, что мы знакомы. Зачем усложнять?"

Надя решительно направилась к лестнице.

– А вы куда? – хрипловато крикнул Серебряков, когда она поднялась на пару ступенек.

– За паспортом, – обернулась Надя и посмотрела ему прямо в глаза.

– Вот, видите, – Игорь обращался к остальным, а взгляд его оставался прикованным к ней, – как надо поступать в таких случаях? Спокойно ожидать своей очереди и доверять следственным органам.

Надя сдержала улыбку, а потом отправилась к себе в номер.

Сняв пальто, она достала паспорт и зашла в ванную. Провела расческой по волосам, а затем, приглядевшись к своему отражению, похлопала себя по щекам, чтобы вызвать румянец. Захотелось вдруг подкрасить ресницы и губы, но... Надя усмехнулась, что она в самом деле?

– Тоже мне, невеста на выданье!

Когда она подошла к двери, то услышала шаги, а затем голоса:

– Вот его номер. Уборки не было, никто туда не заходил.

Надя открыла дверь. В коридоре топтались румяный участковый, молодой паренек в великоватой для его щуплой фигуры служебной куртке и Золотарев.

– Так, давайте ключи, мы тут все сами осмотрим, – важно сказал участковый и протянул ладонь, в которую переключивал ключ с пластиковым номером.

– Это второй комплект. Первый, я так понимаю, у Федосевича, – сказал Золотарев.

– У покойника, вы хотели сказать?

– Кхм... как вам будет угодно.

– Спускайтесь вниз, мы пока тут оглядимся.

Золотарев заметил Надю и развел руками:

– Такие дела...

Участковый обернулся и, прищурившись, тоже посмотрел на нее:

– А вы, гражданочка, слышали что-нибудь подозрительное?

Надя замешкалась, не сводя взгляда с Золотарева.

– Наверное, будет лучше, если я обо всем поговорю со следователем. Как его зовут?

– Игорь Иванович, – хмыкнул участковый, а потом добавил: – Молодой еще, резвый. Чересчур даже.

С этим утверждением Надя могла бы поспорить. Не с тем, разумеется, что Игорь Серебряков слишком молод, а с тем, что резвость его была ничем иным, как профессиональным чутьем. И лучше ее, никто из присутствовавших здесь, этого не знал.

Она терпеливо дожидалась своей очереди и даже успела перекусить вместе с Аллой Сергеевной. Паспорта сдали на руки молодому помощнику, и он утащил их в конференц-зал. После каждого опроса он выходил в вестибюль и важно зачитывал следующее имя. Сначала Надя ждала, что ее вызовут первой. Потом подумала, что ее фамилия почти в самом конце алфавита, но, когда пригласили некую Якушеву, убедилась, что, по всей вероятности, ее Серебряков оста-

вил "на закуску". Что ж, и этот ход ей понравился.

Алла Сергеевна пробыла в конференц-зале минут двадцать. Вернувшись, она выпила стакан воды и тяжело осела в кресле.

– Не понимаю, чего они хотят? Я этого Федосевича знать не знаю! Встретила чин по чину, заселила. А что он там потом делал, мне неведомо.

– А вы разве двери не запираете на ночь? – уточнила Надя.

– Если вы о безопасности, то поверьте, Надежда Николаевна, у нас тут отродясь никакого криминала не было.

– Так запираете или нет?

– Конечно! Снаружи есть звонок на случай, если кто придет. Но к нам ни разу еще ночью никто не заселялся. Обычно номер заказывают на сайте и приезжают ко времени.

– А ночью кто-то дежурит?

– Говорю же, в этом нет необходимости. Если позвонят, то мы с Федором услышим. Или Лида.

– Да, она же тоже живет здесь постоянно. Собственно, получается, Федосевич мог сам выйти в любое время, а вы бы об этом даже не узнали, - подытожила Надя.

– Истинно так... – вздохнула Алла Сергеевна.

– И камер у вас тоже, получается, нет?

– У нас тут не столичный отель, как вы могли заметить. У нас все по-простому. А если кому-то кажется, что мы лопатой деньги гребем, так это все ложь.

– А утром кто первый заметил, что дверь не заперта?

Хозяйка гостиницы вскинула брови:

– Слушайте, да вы мне те же самые вопросы задаете, как и этот следователь. Прямо как под копирку!

Надя мило улыbnулась:

– Просто пришло в голову, вот и все. Вы думаете, это несчастный случай?

– Конечно! У него же вчера семинар был.

– И?..

– Помните, я вам говорила, что он заказал бутылку коньяка и лимон?

– Помню.

– А теперь она пустая. Получается, этот гуру надрался ночью, а под утро пошел прогуляться. Может, ему плохо стало, вот и свалился вниз. Да так неудачно, что шею себе сломал.

Надя покивала, а Алла Сергеевна расстегнула душегрею и пробормотала:

– Душно как-то, вы не находите? Все это так нервно. Скорее бы все закончилось. Пойду дам указания насчет обеда. Даже не знаю, останутся ли гости. А у нас люля-кебаб бараний наворачен... и овощи на мангале...

– Гражданка Чарушина!

Надя вздрогнула, поднялась и пошла в конференц-зал.

Глава 12

Надя плотно прикрыла за собой дверь и, прислонившись к ней спиной, широко улыбнулась:

– Ну здравствуй, Игорь!

Вытянув руки, она прошла вперед, туда, где за столом сидел Серебряков. Он вскочил и неуклюже развернулся, задев разложенные на столе бумаги. Один лист мягко спланировал на пол.

– Надя... Я... – Серебряков нагнулся, затем выбрался из-за стола и тоже протянул руки.

Надины пальцы утонули в его теплых ладонях.

– Господи, Игорь, как же я рада! Ты не представляешь, что я успела себе напридумывать, когда увидела тебя на холме! Только потом до меня дошло, что ты специально сделал вид, что не знаешь меня!

– Да, я специально... Понимаешь, Надя...

– Ты поступил абсолютно верно! О, как же я рада тебя видеть, Игорь Иванович Серебряков! – Надя обняла его за плечи и, словно в дружеском порыве, прижалась щекой к его груди.

На мгновение прикрыв глаза, она прислушалась к стуку его сердца. Но потом отстранилась и снова посмотрела ему в глаза:

– Невероятный сюрприз, правда?

Серебряков сглотнул и облизал пересохшие губы.

– Да уж, мне следовало бы догадаться, что там, где труп, там обязательно появишься ты.

– Не шути так! – воскликнула Надя. – Я вовсе не планировала соседствовать с трупом. Но, кажется, судьба услышала мои мантры.

– Мантры? – в прямом смысле обалдел Серебряков.

– Мантры! Священные гимны, вибрации, желания! – горячо прошептала Надя. – Моя подруга Зая знает об это все-все-все! А я ей не верила, представляешь? Но ведь она права: Вселенная слышит нас! Тут смертельно скучно! Ой, я в том смысле, что... К черту!.. Это именно так! Я уже даже подумывала уехать, но...

– Но?.. – эхом отозвался Серебряков.

– Но тут появился ты! – Надя наконец сообразила, что своим стрекотанием буквально оглушила его.

Она была так взволнована, что сама себе казалась девочкой-подростком. И даже тот факт, что она ждала ребенка, не мог заставить ее вести себя степенно и достойно, как полагается будущей матери. Да и дело-то было в другом, совсем в другом... Ее грудь вздымалась от сбившегося дыхания, и это волнение, кажется, передалось и Серебрякову.

– Надя, присядь, – он выдвинул стул, а затем вытащил из-за стола свой и сел рядом.

– Ну, вот, – Надя сцепила пальцы в замок и крепко их сжала, – я спокойна и сосредоточена! – Но тут же прысну-

ла, глядя на растерянное лицо Серебрякова. – Ты и правда удивлен, что я здесь!

– Не то слово... Я все думал, куда ты пропала. Не пишешь, не звонишь...

– Понимаешь, Игорь...

– Ты ничего не должна объяснять! Это твое право! Я просто волновался, но потом...

Вдруг Надя провела пальцами по лбу, а затем помахала себе на лицо.

– Тебе дурно? – Серебряков нащупал пульс на ее запястье.
– Ты побледнела!

– Душно, – кивнула она.

– Это восточные благовония. Я так понимаю, со вчерашнего вечера запах остался. Эти дамочки мне все уши прожужжали своим идеями и, как их, мантрами! Я сейчас окно открою!

Серебряков метнулся к окну и стал дергать за ручку. Но рама не поддавалась, тогда он влез на подоконник и открыл форточку.

– У самого башка кругом.

Надя кусала губы, пытаясь совладать с собой, а затем подцепила лежавший на виду исписанный убористым почерком лист и взмахнула им в воздухе:

– Давай, рассказывай, в чем тут дело! Как ты так быстро оказался в Веригино? Предварительное время смерти уже установлено? А что говорят свидетели? Тебе не кажется, что

дело довольно странное? Никогда не общалась с подобными людьми, как этот Федосевич. Гуру счастья, можешь себе такое представить? Я даже хотела попасть на этот семинар, но меня не пустили. Обидно, понимаешь? Я его даже в лицо не видела! Кстати, у тебя есть его фотография? И еще, я тут поспрашивала...

– Надя... – Серебряков посмотрел на нее таким взглядом, что она осеклась.

– Только не говори, что ты выставишь меня из кабинета! – ахнула она.

– Не выставлю... – улыбнулся он.

– Фух... Тогда рассказывай! Со мной ты можешь поделиться любыми подробностями и подозрениями! Ой, а ты надолго сюда приехал? – перескакивая с одной мысли на другую, Надя ощущала себя так, словно раскачивалась на тарзанке над стометровой пропастью.

– Надь, может, воды? – Серебряков схватил кувшин и наклонил его над стаканом. Стекло тоненько звякнуло.

В этот момент открылась дверь.

– Ну, что тут у вас, Игорь Иванович? – протопал к столу румяный участковый и, заметив в руке Серебрякова стакан, быстро взял его, выпил воду и утер рот ладонью. – Нахлебался кофе, – простецки заявил он, – теперь надо его водой разбавить. Я программу смотрел про здоровье, так там...

– Егор Палыч, я еще не закончил, – перебил его Серебряков, и Надя внутренне восхитилась тому, как твердо он это

сказал.

Участковый крикнул.

– Извиняйте. Я тогда в коридоре подожду. Вы, когда закончите, свистните, и сразу обедать поедем.

Участковый вышел, а Серебряков покрутил стакан и со стуком поставил его на стол.

– Надя, нет у меня никаких подозрений.

– То есть, как это нет? Ты уверен, что это несчастный случай? – голос Нади сочился разочарованием. Но вовсе не из-за того, что никакого убийства не было, а потому что в таком случае, Серебряков напишет рапорт, пообедает и уедет! Нет, сначала пообедает, а потом...

– Предварительные результаты экспертизы будут готовы через несколько дней, но даже беглый осмотр места его гибели приводит к мысли, что Федосевич просто упал. И следы на это указывают.

– Зачем он вообще туда пошел?

– Да кто его знает. Прогуляться решил. По пьяной лавочке...

– Допустим, с этим все понятно. Но ты так и не ответил мне на вопрос, зачем ты приехал в Веригино, и что у тебя за дело, связанное с этим Федосевичем?

Серебряков внимательно посмотрел на Надю:

– Тебе правда интересно?

– Ты еще спрашиваешь?! Я слышала ваш разговор! Этот местный полицейский авторитет сказал, что у тебя на руках

дело Федосевича! Ты что, приехал его арестовывать?

Серебряков восхищенно цокнул языком:

– Ну ты даешь, Надя! Высоко сижу, далеко гляжу?

– И со слухом у меня все в порядке!

Лишь на мгновение в глазах Серебрякова промелькнуло сомнение, но Надя тут же сложила ладони в молитвенном жесте:

– Игорь, пожалуйста, не уезжай!

– Я не уеду... Но я не могу остаться здесь, в гостинице, понимаешь? Однако мне необходимо осмотреть номер, где он остановился.

– Отлично! Сделаем это вместе!

– Нет, Надя, ты даже не свидетель.

– Буду понятой!

– Ладно, – Серебряков сгреб бумаги и запихнул их в портфель. – Надо как-то это обставить таким образом, чтобы...

– Я поняла! – заговорщицки прищурилась она. – Сейчас я пойду к себе, а мой номер, между прочим, практически напротив номера Федосевича, а ты вызовешь меня, а потом расскажешь, в чем там дело! А я расскажу о том, что видела вчера вечером!

– Не понял?.. – округлил глаза Серебряков. – Ты же сама недавно сказала, что...

– Ой, Игорь, мало ли что я говорила! Да, я не знакома с Федосевичем, но... – Надя подняла указательный палец, – это вовсе не значит, что я ничего о нем не знаю!

Глава 13

Надя стремительно вышла из кабинета, сдувая со лба упавшую прядь и прижимая к раскрасневшимся щекам ладони.

– Вы только гляньте, этот следователь и беременяшку довел!

Надя инстинктивно опустила руку на живот и посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос. На диване сидели женщины, одна из которых совсем недавно требовала возмещения гостиничных расходов. Несколько пар покрасневших от слез глаз уставились на Надю.

– С виду весь такой ладный, а как рот откроет, сухарь сухарем! – поддакнула другая. – Всю душу вынул, никакого понимания!

– И не говори! Им лишь бы кого виноватым сделать! А человека-то не вернешь... Ну, что, девочки, как дальше-то? Следователь сказал, что только после обеда сможем уехать. Вдруг какие вопросы... А чего еще спрашивать, не понимаю?

– Вот и я не понимаю! Вызовем такси или своим ходом до станции? Надо же еще билеты взять.

– Ты думаешь, такси в эту дыру поедет? Придется своим ходом... Ох, что же нам теперь делать-то, а? Как же мы теперь без него?

– Ой-ей... – всхлипнула третья. – Как представляю, что те-

перь опять муж со своим диваном, с пивом и футболом, прям плакать хочется! Как же хорошо было нам всем вместе! Никогда я такой счастливой уже не стану-у-у!

Остальные зашикали, успокаивая и поддерживая ее, и у всех на лицах было написано самое настоящее горе.

На секунду Надя опешила, но затем состроила соответствующую ситуации "козью мордочку" и тоже зашмыгала носом.

– Сухарь! – тоненьким голосом поддакнула она. – Правильно вы говорите!

Женщины отвлеклись от собственных переживаний, и даже Лида удивленно воззрилась на Надю.

– Можно я тут с вами с вами немного посижу? Успокоюсь? – попросила Надя и несколько раз моргнула, словно сдерживая подступившие рыдания.

Подруги по несчастью заелозили на диване, освобождая место. Надя протиснулась между ними и сложила руки на коленях.

– Я ему говорю, я ничего не видела, ничего не знаю! – запричитала она. – А он на меня ка-ак зыркнет!

– Вот и мы ничего не знаем! – зашумели женщины. – А теперь что же получается? Наши паспортные данные у полиции, будто мы преступницы какие!

– Я не преступница, – помотала головой Надя. – Я его даже не видела!

– А хочешь посмотреть? – предложила та, у которой муж,

диван и пиво.

– Хочу! Надо же знать, из-за кого такие неприятности и самоуправство приходится терпеть!

В ее руки переключалась брошюра, такая же, какую Надя видела у Лиды. Она даже мысленно укорила себя за то, что не сунула в нее свой нос, когда была возможность.

Раскрыв не особо хорошего качества буклет, Надя взглядела в фотографию немолодого, но подтянутого мужчины с загорелым лицом и широкой белозубой (скорее, фаянсовой) улыбкой.

"А. Д. Федосевич – практик женского счастья. Запись на личный прием, запись на групповые занятия, запись на семинары..."

Фотография была небольшая, размером с паспортную, под ней – выдержки из каких-то трактатов индийских философов и европейских мудрецов о природе женского начала. На другой странице, непонятно к чему, находился снимок Тадж-Махала, под ним – символ того самого женского начала и еще куча всякой всячины, что, вероятно, и должно было убедить каждого в том, что женщина – это венец творения и заслуживает только самого лучшего.

Надя едва удержалась от вопроса: какого хрена все эти вполне адекватные на вид женщины верят во всякую чушь, но потом вспомнила рассказы собственной матери о том, как когда-то вся страна поголовно заряжала водопроводную воду в банках перед телевизорами, и осторожно заметила:

– Симпатичный...

– Симпатичный?! Да если б вы знали, какая у него энергетика бешеная была! – с придыханием подхватила одна из женщин. – Вот стоишь рядом, а по телу прям волны... волны...

– А я ведь его и во сне видела! В белых одеждах... будто в воздухе парит! И сияние вокруг... И так мне хорошо было! – завывала другая. – Как же мы теперь?

Надя покосилась, прикидывая ее возраст и, убедившись, что "молодая была уже не молода", подумала о том, что вряд ли кто-то из этих дамочек был заинтересован в гибели своего гуру. Рядом с ним они ощущали себя прекрасными, одухотворенными и полными сексуальной энергии. И возраст тут не имеет никакого значения. Кто-то до самой старости аккумулирует в себе "это", кто-то подпитывается вот у таких гуру, а кому-то это на фиг не надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.